

НИВА

Иллюстрированный
Журнал
литературы

XXXVI г.

г. XXXVI

№ 2

Выходит еженедельно (52 № в год), с приложением 40 книг "Сборника", соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книг Литературных и популярно-научных приложений, 12 № "Парижских мод" и 12 листов чертежей и выкроек.

Выдань 8-го января 1905 г.

1905

Цена этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: "Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова-Щедрина" книга 1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИВУ“ 1905 Г.

Первый 10 книгъ полн. собр. сочинений

М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

А. К. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА.

Безъ доставки въ Петербургѣ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. И. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровской линии.

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ книж. маг. "ОБРАЗОВАНИЕ", Ришельевской, 12.

7 р. 50 н.

Съ доставкою въ Петербургѣ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересыпкою во всѣ мѣстности Россіи . . .

8 р. 12 н.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА для гг. новыхъ подписчиковъ, желающихъ получить, кроме "Нивы" 1905 г. со всѣми приложеніями,—еще ПЕРВЫЙ 20 книга соч. ШЕЛЛЕРА-МИХАЙЛОВА, приложенный въ 1904 г.: БЕЗЪ ДОСТАВКИ: 1) въ СПб.—9 р.; въ Москвѣ у Н. Печковской—10 р.; 2) въ Одессѣ, въ книжн. магаз. "Образованіе"—10 р. 25 к. Съ доставкою въ СПб.—10 р. 50 к. Съ перес. во всѣ мѣста Россіи—11 р. За границу 15 руб.

Навстрѣчу жизни.

Романъ В. А. Тихонова.

Нина Сергеевна овдовѣла лѣтъ тридцать тому назадъ. Оставшись послѣ мужа молодой и очень красивой вдовой, сразу отказалась отъ всякихъ забавъ и прелестей суетного міра и вся отдалась своему большому хозяйству, да воспитанію сынка Костеньки, оставшагося послѣ отца на третьемъ году своей жизни.

Были у Нины Сергеевны и женихи, но сердце ея осталось исканіямъ ихъ недоступно. Вѣжливо, но холодно отказывала она имъ, ссылаясь на то, что ей теперь не о себѣ, а о сынѣ надо думать.

Хозяйство

она свое вела такъ образцово, что не только не расточила его, но наоборотъ, значительно пріумножила. И въ то время, когда кругомъ то и дѣло разорялись ея сосѣди, имѣніе Воротниковыхъ все округлялось и округлялось. Къ Большимъ Воротникамъ были прикуплены и Малые Воротники, а къ Малымъ ужъ какъ-то сами пристегивались разные хутора да пустоши. И ко времени окончанія курса Костей Воротниковымъ въ одномъ изъ высшихъ землемѣльческихъ училищъ въ Россіи, онъ могъ считаться уже

Мечты и звуки. Рис. К. Саккаджи, авт. «Нивы».

въ числѣ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ въ своей губерніи.

Воспитаніемъ своего сына Нина Сергеевна была тоже вполнѣ довольна. И онъ росъ настоящимъ хозяиномъ. И никакихъ слабостей за нимъ не водилось; къ матери былъ почтителенъ; ни въ карты не игралъ, ни вина не пилъ, ни табаку не курилъ. Одна только сухота была по отношенію къ сыну въ сердцѣ у Нины Сергеевны, но о ней мы скажемъ послѣ.

Итакъ, сидѣть Нина Сергеевна надъ большой конторской книгой да счета провѣряеть. И все-то ей кажется, что управляющій въ Малыхъ Воротникахъ ее обкрадываетъ. Но тѣ и въ чемъ—никакъ она его поймать не можетъ.

«Бѣда съ этими заглазными имѣніями!»—думаетъ Нина Сергеевна, провѣряя каждую копеечку.

А въ домѣ все тихо. Только звуки, которыми живетъ большой барскій дворъ, вторгаются въ раскрытыя настѣжь окна. Но вотъ и въ домѣ гдѣ-то дверь хлопнула, по столовой быстро протопотали чьи-то легкіе шаги, и до чуткаго уха Нины Сергеевны донесся обрывокъ веселой пѣсеньки. Потомъ опять шаги, и опять дверь хлопнула, и опять все стихло.

Барыня поморщилась.

«Ей ладно! Небось, ей весело! На всемъ-то, на готовенькому!»—почему-то подумала Нина Сергеевна и снова углубилась въ свою большую конторскую книгу.

Выше мы сказали, что только четвероногимъ да пернатымъ хорошо жило въ имѣніи Воротниковыхъ. Но тогда мы упустили изъ виду, что было одно и двуногое существо, которому въ Большихъ Воротникахъ, какъ казалось, грѣхъ было на жизнь пожаловаться. Существо это было—горничная Дуня или «Толстый духъ», какъ прозвалъ ее уѣздный докторъ Юрий Андреевичъ Лыкошинъ.

Дуня третій годъ уже жила въ домѣ Воротниковыхъ, а поступила она къ нимъ всего на семнадцатомъ году, стало-быть, теперь ей шелъ двадцатый. Привезла ее Нина Сергеевна изъ губернского города, маленькой, блокурой дѣвушкой, съ веселымъ, миловиднымъ лицомъ, съ бойкими сѣрыми глазками и задорно приподнятымъ носикомъ. Была она дочерью пароходного офиціанта. Знала грамотѣ и отличалась неизмѣнно прекраснымъ расположениемъ духа. На жизнь глядѣла весело и просто, ничего не боялась; не испугалась и строгой воротниковской барыни. И благодаря этому или ужъ какимъ другимъ причинамъ, но сразу заняла въ домѣ особое, привилегированное положеніе.

Кормила она съ господскаго стола, работы у нея большой не было—только домѣ прибрать, да на столъ подать, да и то ей въ этой Маринка съ Аниской помогали. И никто на нее никогда не ворчалъ, всѣ-то ею были довольны, и пошла Дуня добрѣть, да округляясь и къ концу третьего года пребыванія своего въ Воротникахъ превратилась въ такой круглый шарикъ, что докторъ Лыкошинъ, часто заѣзжавшій въ гости къ Константину Федоровичу, смотрѣлъ разъ на нее, смотрѣлъ, да и прозвалъ «толстымъ духомъ», а съ его легкой руки такъ это прозвище за Дуней и укоренилось.

На пользу шла жизнь дуниному здоровью. Только миловидность лица ея немного пострадала: очень ужъ оно кругло да красно стало, да и веселые глазки жиркомъ заплыть начали.

Но какъ бы то ни было, а Дуня была всеобщей любимицей и одна только она поддерживала веселое настроение въ этомъ скучномъ, дѣловитомъ домѣ.

III.

Къ обѣду, то-есть къ двѣнадцати часамъ дня, вернулся съ поля Константинъ Федоровичъ. Сначала онъ прошелъ прямо въ свою комнату, умылся тамъ, отряхнулъ самъ съ блузы пыль щеточкой, причесалъ блокуры волосы на головѣ и тогда только вышелъ въ столовую.

Нина Сергеевна была уже тамъ и ждала сына, сидя за круглымъ обѣденнымъ столомъ.

— Ты что-то сегодня пасмуренъ?—сказала она, замѣчая хмурое выраженіе на лицѣ Костеньки.

Тотъ ничего не отвѣтилъ, только рѣзко отодвинувъ стулъ, сѣлъ на свое мѣсто къ столу.

— Какъ въ полѣ?—спросила опять Нина Сергеевна, послѣ небольшой паузы.

— Ничего, все въ порядкѣ,—отрывисто отвѣтилъ сынъ, принимаясь за жиенъкій и невкусный супъ.

— Такъ чего-жъ ты хмуришься-то?—стараясь мягко улыбаться, любопытствовала матъ.

Константинъ Федоровичъ молчалъ. Онъ и самъ не зналъ, что отвѣтить; не зналъ, на что онъ, въ самомъ дѣлѣ, дулся-то. Нехорошо у него просто на сердцѣ было, а отчего нехорошо—кто разберетъ. Выѣхалъ въ поле онъ веселый, и все его радовало. И вдругъ какъ-то, словно весь міръ затуманился передъ нимъ. И случилось это сейчасъ же послѣ встрѣчи съ Тополевымъ: проѣхалъ тотъ веселый, жизнерадостный, бокъ о бокъ съ молоденькой и хорошенькой женой, и Воротникову вдругъ скучно стало. Словно онъ чужому счастью позавидовалъ. Да, можетъ, и дѣйствительно позавидовалъ, да только сознаться въ этомъ даже самому себѣ не рѣшается. А маменька лѣзть съ вопросами: отчего не веселъ, да отчего задумался? Ну, какъ ей отвѣтишь, когда она, можетъ-быть, самата и есть главная виновница того, что у него своего такого счастья нѣтъ.

Бдучи обратно домой, Константинъ Федоровичъ все невольно вспоминалъ о тѣхъ неудачныхъ попыткахъ, которыхъ онъ дѣлалъ, чтобы обзавестись своей семьей. О тѣхъ барышняхъ, въ которыхъ, какъ казалось ему, онъ влюбленъ былъ, и о тѣхъ всегда неудачныхъ развязкахъ каждого его сватовства. И вездѣ виновницей этихъ неудач неизмѣнно являлась—маменька.

Словъ нѣтъ, любить она его, всю жизнь ему посвятила, отъ личнаго счастья отказалась. Съ молодыхъ лѣтъ въ своей усадьбѣ, какъ въ монастырѣ, замкнулась, все хозяйство его привела въ порядокъ, можно сказать, обогатила его. И на образованіе его ничего не жалѣла. Мечтая, нерѣдко даже говорила, что ждеть не дождется той радости, когда ей внуковъ да внучекъ понянчить придется, и все какъ-будто невѣсть ему присматриваетъ. Но стоить только Костенькѣ какой-нибудь барышней увлечься и въ серьезъ, то-есть къ женитьбѣ дѣло повести, маменьку ужъ и узнать нельзя: откуда что берется! Такія вещи начнетъ ему про его избранницу наговаривать, что только уши вянуть. И все это такъ доказательно, такъ убѣдительно, что волей-неволей вѣруешь. Ну, а если Костенька, наученный опытомъ, маменькины слова мимо ушей пускать начнетъ, такъ она и тогда не умется. Къ невѣстиной роднѣ забѣжитъ и тамъ что-то такого напушкуетъ, что, смотришь, же ниху-то и поворотъ отъ воротъ.

Выведеній изъ терпѣнія, сталъ Костенька даже на хитрости пускаться. Уѣхалъ разъ онъ въ Москву по дѣлу, а тамъ, вмѣсто дѣла, себѣ наскоро невѣсту совсѣтъ. Все было уже налажено, хоть сейчасъ подъ вѣнецъ идти, и вдругъ—шашть—маменька! Прискакала въ Москву, какъ снѣгъ на голову, и такая веселая, такая радостная! И словно впрямь сыновнимъ выборомъ вполнѣ довольна. И невѣсту хвалить, и семью ея не осуждать. Костенька даже диву дался и непомѣрно возрадовался. Только радость его была преждевременна.

Наканунѣ самой свадьбы прислали ему вѣжливенскій отказъ, а невѣсту подальше куда-то въ Крымъ увезли.

Вѣчно тихій и скромный, Костенька даже въ неистовство впалъ: ногами топаль, волосы на себѣ рвали и все грозился, что онъ запьетъ.

Но маменька угрозъ этихъ не боялась. Хорошо она знала своего милаго мальчика и вполнѣ была убѣждена, что въ исполненіе страшной угрозы своей онъ не приведеть.

Действительно, не привель. А недѣльки черезъ двѣ поупокоился и вмѣстѣ съ маменькой въ Большии Воротники обратно поѣхалъ и уже по дорогѣ маменька напшентывать принялась:

— И слава Богу, Костенъка, что все это разстроилось,—говорила она.—Узнала я про нихъ сторонкою, что вся ихъ родня больная! Двое дядей невѣсты въ сумасшедшемъ домѣ умерли! Да и невѣста-то сама припадочная. Вѣро, съ рукъ сбить хотѣли, да совсѣмъ зазрила.

И Костенъка повѣрилъ, и самъ сталъ уже говорить, что считаетъ преступнымъ плодить больныхъ дѣтей.

Вотъ тогда же, по дорогѣ, въ Нижнемъ, Нина Сергеевна и Дуняшу къ себѣ въ домъ взяла.

Съ этого сватовства Константина Федоровича почти три года о женитьбѣ ничего не говорилъ, да и не думалъ, кажется. И Нина Сергеевна совсѣмъ было уже успокоилась.

И вотъ вдругъ—опять. Проѣхалъ этотъ Тополевъ съ молодой женой, и воскресли быыя мечты въ душѣ у Константина Федоровича.

— Что это? Опять телятина съ изюмнымъ соусомъ?—раздраженно заговорилъ онъ, глядя на поданное Дуняшой блюдо.—И вчера—телятина, и третьяго дня—телятина! Каждый день телятина!

— Что же дѣлать, Костенъка! Самъ знаешь, въ деревнѣ-то разносоловъ не наберешься,—нѣсколько обиженнымъ голосомъ отозвалась Нина Сергеевна.

Но Константина Федоровича уже удила закусиль. Что-нибудь непріятное, что-нибудь жестокое хотѣлось ему на этотъ разъ сказать матери. И онъ, наморщивъ лобъ, но стараясь быть спокойнымъ, началъ:

— Да вотъ кстати, маменька! Люди очень жалуются на пищу. Говорятъ, ъсть ничего нельзя.

Онъ зналъ, что затронулъ самый болѣй вопросъ для Нины Сергеевны, и теперь не безъ удовольствія наблюдалъ, какъ лицо ея покрывается красными пятнами.

— Да и действительно они правы,—продолжалъ онъ:—мы и сами-то ъдимъ Богъ знаетъ что! А ужъ людей прямо хуже собакъ кормимъ! Сейчасъ ъхалъ я мимо рѣчки, смотрю—Арина какую-то падаль моетъ. Спрашивала: что это такое? «А, говорить, барыня приказала солонину освѣжить». А чего тамъ освѣжать, когда сплошь черви ползаютъ. Ну, я и велѣлъ...

— Что велѣлъ?—шепотомъ спросила Нина Сергеевна.

— Да велѣлъ всю эту солонину въ рѣчу выбросить! Пусть раки за наше здоровье съѣдятъ.

Ложка, которой маменька ъла ужъ кисель, вывалилась у нея изъ рукъ и звякнула о тарелку, а сама маменька быстро встала изъ-за стола и, не говоря ни слова, прошла въ свою комнату.

Костенъка былъ доволенъ. Онъ не безъ наслажденія выпилъ два стакана холодного молока, отеръ губы салфеткой и тоже всталъ изъ-за стола.

— Огорчили маменьку-то?—лукаво улыбаясь, замѣтила ему вертѣвшаяся тутъ же Дуняша.

— Молчи, толстый духъ!—уже совсѣмъ весело сказалъ Константина Федоровичъ и, слегка щелкнувъ молодую дѣвушку по ея задорному носику, пошелъ въ свою комнату, чтобы вздрѣнуть часокъ-другой.

Вечеромъ, за чаемъ, маменька все дулась, и Константина Федоровича ее даже жаль стало. И онъ, чтобы замѣть чѣмъ-нибудь непріятное впечатлѣніе, оставшееся отъ обѣда, перевелъ разговоръ съ хозяйственныхъ темъ на общежитейскія.

— Тополевъ вернулся,—сообщилъ онъ.

Маменька молчала.

— Встрѣтилъ я его сегодня утромъ. Къ себѣ въ Пайну съ молодой женой ъдетъ. Такая хорошенъка, просто прелест!

«А! Вотъ оно что! Вотъ оно откуда подуло!»—собразила сейчасъ же Нина Сергеевна, и лицо ея приняло крайне озабоченное выраженіе.

А когда Константина Федоровича сказалъ, что онъ

завтра намѣревается въ гости къ Тополевымъ съѣздить, Нина Сергеевна не успѣла даже подавить вырвавшагося у нея глубокаго вздоха.

IV.

На утро Константина Федоровича подали легонѣкій кабріолетъ, запряженный рослымъ воронымъ конемъ, и молодой помѣщикъ, одѣтый по-праздничному—день былъ воскресный—т. е. не въ блузѣ, а въ свѣтлый пиджачный костюмъ, вышелъ на крыльцо.

Слѣдомъ за нимъ вышла и маменька.

— Въ Пайну ъдешь?—какъ-то ужъ очень просто спросила она сына.

— Въ Пайну!—также ужъ очень просто отвѣтилъ тотъ.

Но въ этой простотѣ и для нея, и для него слышалось нѣчто скрытое. Костя замѣчалъ, что маменька волнуется, а маменька чувствовала, что сынокъ ее дразнить.

— Другъ мой, Костенъка!—заговорила она, взглянувъ на лошадь и всплеснувъ даже руками.—Что это ты надумалъ? Ты никакъ на Визирѣ одинъ ъхать хочешь?

— Ну, такъ что-жъ?—не понялъ тотъ.

— Да, вѣдь, Визирь—самъ знаешь, какая лошадь! Разобѣть онъ тебя, мой ангель!

Константина Федоровича только улыбнулся.

— Взять бы ты хоть Андрюшку съ собой!—продолжала маменька, указывая на молодого конюха, державшаго Визира подъ уздцы.

— Ну, полноте, маменька! Не говорите, пожалуйста, пустяковъ! Что я ребенокъ, что ли, въ самомъ ъѣль! Меня, видите, Визирь разобѣть, а Андрюшку нѣть. Да я этого сама ѿ Андрюшку на одной ладони поднимаютъ.

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Ну, поднимаешь! Ну, и надорвешься какъ-нибудь!—уже совсѣмъ закудахтала Нина Сергеевна.

И такъ это у нея смѣшно вышло, что не только Константина Федоровича и вертѣвшаяся за спиной барыни Дуняша разсмѣялись но и конюхъ Андрюшка не стерпѣлъ и прыснулъ со смѣху.

Нина Сергеевна совсѣмъ обозлилась.

— Ты что это зубы скалишь?—накинулась она на конюха.—Вотъ погоди, мошенникъ, я тебѣ покажу, какъ смѣяться.

— Оставьте его, маменька!—остановилъ ее Константина Федоровичъ.—Онъ и по натурѣ смѣшивъ, ну, а когда вы меня за ребеночка принимаете, такъ тутъ и мертвый расхохочется. А пока что—до свиданья!

И онъ, наклонившись, поцѣловалъ у матери руку.

— На весь день?—уже грустнымъ голосомъ спросила Нина Сергеевна.

— Да, до вечера,—подтвердилъ Костенъка.

И легко вскочивъ въ кабріолетъ, взялъ вожжи въ руки. Застоявшійся и перекормленный Визирь не сразу тронулся съ мѣста. Онъ сначала немного потешался у крыльца, какъ бы рѣшая, съ которой ноги начать, и потомъ вдругъ сильно рванулся впередъ. Но почувствовалъ крѣпкую руку своего барина, оправился и пошелъ ровной, машисткой рѣсью.

Богатыя поля,—воротниковскія,—тянулись по краю дороги, по которой ъхалъ теперь Константина Федоровича, почти съ восторгомъ посматривавшій на буйные хлѣба, уродившіеся у него въ этомъ году. Хозяйственный соображенія роились въ головѣ молодого барина. Солидные итоги предвидѣлъ онъ въ перспективѣ. Радовалось его хозяйствское сердце.

И эти веселыя картины заставляли его забывать и домашнія непріятности, и вѣчныя недоразумѣнія съ маменькой по поводу продовольствія работниковъ, державшейся по отношенію къ нимъ системѣ тургеневскаго Ермоля. Тотъ говорилъ, глядя на свою Валетку, что «песъ самъ для себя промыслить», а эта, глядя на работниковъ, думала то же самое. Но Валетка, действительно, что-то тамъ такое себѣ промышляла, у воротниковскихъ же батраковъ съ барыниныхъ харчей то и

Тихий вечер. Рис. Д. Пахомова, авт. «Нивы».

Возвращение императора Александра III съ охоты. Картина Р. Френца, авт. «Нивы».

дѣло животы подводило. И ждали они съ нетерпѣніемъ всегда той счастливой минуты, когда молодой баринъ съ мамашей поссорится. Тогда у нихъ хоть на недѣльку, да харчи поправлялись. Но скоры бывали рѣдко, примиреніе обыкновенно наступало быстро, а дѣлать было нечего или, вѣрнѣе, идти некуда—и, волей-неволей, у Воротниковыхъ работалась. У нихъ, по крайности, хоть расчѣтъ вѣрный.

И молили эти батраки Бога, чтобы молодой баринъ да женился поскорѣй, почему-то свято уповая, что стоитъ молодой хозяйкѣ въ домѣ завестись, какъ сейчасъ же она старуху отстранить, и все пойдетъ по ладному, да по хорошему.

Мечталъ объ этомъ же и Константинъ Федоровичъ, да ничего ни изъ батрачихъ молитвъ, ни изъ барскихъ мечтаний путного не выходило. Продолжала властно править людьми Нина Сергеевна, продовольствуя ихъ по вышерѣченной Ермоляевой системѣ.

Верстъ шесть ѿхалъ Константинъ Федоровичъ своими землями и вдругъ картина сразу и круто измѣнилась. Словно въ другую страну попали. Сразу захирѣли хлѣба и земля потеряла свой прекрасный, культурный видъ. Это начались владѣнія другихъ помѣщиковъ, да пошли крестьянскія земли.

Измѣнилось понемногу и настроение духа Константина Федоровича. Сначала онъ, посматривая на чужіе хлѣба, какъ-будто немного и радовался, что вотъ, дескать, у него все хорошо, а у другихъ все скверно, но потомъ, понемногу онъ этихъ, другихъ, жалѣть началъ, а дальше ему и самого себя жалко стало: всего-то вотъ у него много, все-то вотъ у него хорошо, а къ чему онъ все это копить, кого онъ этимъ порадуетъ? Нѣтъ у него ни жены, ни дѣтей, одна маменька! Да вѣдь и та не вѣкъ жить будетъ.

А тутъ еще вдали засинѣлъ большой тополевской паркъ, и на крутомъ берегу рѣки Уры красиво раскинулась веселая Пайна. Солнце играло на золоченомъ куполѣ богатаго сельского храма. А изъ-за поворота и бѣлый каменный барскій домъ выглянула.

Весело когда-то жилось здѣсь старымъ помѣщикамъ, въ тѣ времена, когда Воротниковы еще въ захудальныхъ считались, а Тополевы на всю губернию гремѣли. Тогда дѣдушка Константина Федоровича къ дѣду нынѣшняго пайнскаго помѣщика чуть ли не на поклонъ ѿздила. Много времени съ тѣхъ поръ прошло, и многое круто измѣнилось.

Теперь богачъ Воротниковъ ѿдѣть въ гости къ товарищу своего дѣства Николаю Васильевичу, зная, что у того все заложено и перезаложено, тогда какъ у него, Воротникова, денегъ куры не клюютъ.

Ѥдетъ онъ къ этому Тополеву, который у него не рѣдко не по тысячамъ, а по сотнямъ даже на скорую руку въ долгъ перехватываетъ, да съ большимъ трудомъ и всегда неаккуратно долги эти выплачиваетъ. Сужаетъ Константинъ Федоровичъ своего друга, конечно, всегда безъ процентовъ, а потому всегда тихонько отъ маменьки, потому что Нина Сергеевна безъ процентовъ и руля никому не дастъ.

Ѥдетъ богачъ къ бѣдняку, но знаетъ онъ, что бѣднякъ этотъ живеть и шире, и краше его, богача. И не можетъ рѣшить Константинъ Федоровичъ—хорошо эти или худо. Съ одной стороны, какъ-будто и худо, или вѣрнѣе, глупо, потому что не глупо ли, въ самомъ дѣлѣ, деньги на разные пустяки мотать; а съ другой стороны, на что же можно и тратить деньги съ удовольствіемъ, какъ не на пустяки.

Вѣдь, вотъ онъ дома одной телятиной съ изюмомъ питается, а у Тополевыхъ разные, какъ выражается маменька, разносольы всегда наготовлены. Но, вѣдь, и на телятинѣ онъ живъ и здоровъ—это съ одной стороны; а съ другой—вотъ онъ теперь ѿдѣть и не безъ удовольствія думаетъ, что его сегодня, навѣрное, хорошимъ обѣдомъ и ужиномъ покормятъ. Но это еще что! А главное—какая про нихъ слава въ народѣ идеть! «Первые хозяева по всей губерніи, а людей вокругъ себя голодомъ

морять!» И все-то это скучность маменькина! И ничего-то онъ съ этой скучностью подѣлать не можетъ, потому что слабъ онъ! А маменька—настойчива. И одно только средство есть—это жениться, да все хозяйство домашнее въ руки молодой жены передать. Но какъ жениться, когда и тутъ маменька поперекъ дороги становится.

— Да! Внуковъ-то она не пропь имѣть, а вотъ—невѣстки, то-есть другой барыни, возѣть себя въ домѣ ни за что не потерпить,—и почти со злой шепчетъ Константинъ Федоровичъ, поддавая ходу ретивому Визирию, словно торопясь скорѣе до Пайны доѣхать и отъ своихъ назойливыхъ и непрѣятныхъ мыслей отѣлаться.

V.

Три рослыхъ дворняжки съ заливчатымъ лаемъ бросились навстрѣчу Воротникову, когда онъ на своемъ кабролетикѣ ѿѣхалъ на дворъ тополевской усадьбы. На этотъ лай выскочили откуда-то люди и изъ рукъ въ руки приняли воротниковскую лошадь.

— Баринъ гдѣ?—отрывисто спросилъ Константинъ Федоровичъ.

И получилъ въ отвѣтъ, что баринъ съ барыней по парку гуляютъ.

— Эхъ!—вздохнулъ про себя Константинъ Федоровичъ и подумалъ: «Неужто я-то никогда съ моей барыней по парку гулять не буду?»

Но сейчасъ же вспомнивъ, что у нихъ въ Воротникахъ и парка-то никакого нѣтъ, сердито рѣшилъ, что въ сущности всѣ эти парки не что иное, какъ большая глупость.

А изъ парка навстрѣчу ему уже шли молодые Тополевы.

— Ну, вотъ, Костя! Ну, вотъ молодецъ, что сегодня прїѣхалъ!—еще издали кричалъ ему Николай Васильевичъ.

А Лидія Александровна привѣтливо улыбалась.

Друзья дѣтства обнялись и расцѣловались. Затѣмъ, Воротниковъ какъ-то ужъ особенно неуклюже поцѣловавъ протянутую ему ручку молодой женщины, но все-таки при этомъ не упустилъ замѣтить, что ручка была блѣнѣющая, пухлена и съ ямочками.

— И прїѣхаль-то какъ разъ вѣ-время! Мы только идемъ завтракать! У насъ, вѣдь, теперь новый режимъ: мы теперь въ двѣнадцать завтракаемъ; въ шесть обѣдаемъ, а на ночь, знаешь, что-нибудь такое легонькое, молочное,—весело тараторилъ Николай Васильевичъ, подхвативъ Воротникова подъ руку.

— По-европейски,—вторила ему Лидочка.

— Да, да! По-европейски! Вѣдь, ты знаешь, мы въ январѣ вѣнчались, а послѣ вѣнца прямо въ Ниццу уѣхали, потомъ полтора мѣсяца въ Парижъ прожили, а лѣто ужъ вотъ думаемъ здѣсь! На осень въ Италию, а зиму—въ Петербургъ.

— А хозяйствомъ-то когда же заниматься?—спросилъ ошеломленный Воротниковъ.

Но Николай Васильевичъ только расхохотался.

— Хозяйствомъ? Ну, какой я, милый другъ, хозяинъ? Что я въ вашемъ хозяйствѣ смыслю? Я и имѣніе-то думаю все въ аренду сдать. И, знаешь, даже про тебя думалъ! Вотъ, не хочешь ли? Возьми?—болталъ Николай Васильевичъ.

Но Воротниковъ нахмурился и отвѣтилъ:

— Я въ аренду ничего не беру. У меня и своего довольно.

— Ну, что дѣлать! Придется съ Слюзиннымъ сойтись!—вздохнулъ Николай Васильевичъ.

— Съ Слюзиннымъ?—повторилъ Константинъ Федоровичъ и какъ-то презрительно хмыкнулъ.—Этотъ тебѣ тутъ нахозяйничаетъ!

— Почему? Почему ты такъ думаешь?—такъ и вѣршился въ него Тополевъ.

— А потому, что нѣтъ хуже, когда земля въ купеческія руки попадеть! И особенно—въ аренду.

Они вошли въ это время уже въ столовую, гдѣ моло-денька, видимо петербургская горничная въ чепчикѣ ставила третій приборъ.

— Это что же вы съ собой привезли? — спросил Воротниковъ, когда она на минуту вышла изъ комнаты.

— Да, съ собой, то-есть, не то, что съ собой, а Варя и поваръ впередъ насъ дня за три пріѣхали, — отвѣтила за мужа Лидія Александровна.

— И поваръ изъ Петербурга? — удивился Константинъ Федоровичъ.

— А что-жъ тутъ удивительного? Здѣсь хорошаго не найдешь! — небрежно замѣтилъ Тополевъ.

Воротниковъ не безъ удивленія посматривалъ на изящный новый сервизъ, бывшій на столѣ, на хрустальные графины съ бѣлымъ и краснымъ виномъ, и на вазу съ фруктами. Не безъ удивленія ъ онъ и обильный, прекрасно приготовленный завтракъ и все соображалъ, на какія деньги кутить его товарищъ. Иначе, какъ «кутежомъ» онъ не могъ назвать эту въ сущности скромную и только-только что приличную обстановку у молодоженовъ.

Какъ это было не похоже на ихъ, воротниковскую, столовую. Столъ съ заплатанной скатерью; выѣденныя серебряные ложки; до-нельзя источенные старые ножи съ роговыми черенками; вилки съ обломанными зубцами и желтый жиidenкій квасъ въ пузатомъ заткнутымъ деревянной пробкой графинѣ. Какъ эта омлетка съ томатомъ и куриными котлетами съ гарниромъ мало напоминали вѣчную телятину съ изюмнымъ соусомъ и клюквеннымъ киселемъ.

А постѣ завтрака подали кофе... Кутежъ, да и только!

И раздражало все это Константина Федоровича. И раздражало все это особенно потому, что не могъ онъ рѣшить — что глупѣе: жить ли при его средствахъ такъ, какъ онъ живеть, или жить, какъ живеть Тополевъ, не имѣя никакихъ средствъ.

— Вы всегда такой хмурый? — спросила его въ концѣ завтрака Лидія Александровна.

Воротниковъ смущился. Отвѣтилъ за него Николай Васильевичъ.

— Да, Лидочка, онъ у насъ всегда букой смотритъ! — сказалъ онъ, цѣляя руку у жены. — Ты еще его не знаешь? Но, въ сущности, онъ предобный малый!

Кофе пили они на террасѣ. Тополевъ благодушествовалъ, и Воротниковъ не безъ удивленія замѣчалъ въ немъ какія-то новыя, видимо недавно пріобрѣтенные манеры: Николай Васильевичъ небрежно растянялся на качалкѣ и пускаетъ тоненькия струйки дыма хорошей сигары; то склонится къ сидящей рядомъ женѣ и примется перецѣловывать ея пухленькие пальчики; то вдругъ порывисто вскочить съ мѣста и, шагая взадъ и впередъ по террасѣ, съ пафосомъ начнетъ говорить о своихъ планахъ и проектахъ. Всѣ эти планы и проекты сводились, впрочемъ, къ одному и тому же: куда они съ Лидочкой пойдуть, что увидятъ, да и гдѣ и какъ поживутъ.

Въ мечтахъ побывалъ онъ и въ Индіи, и въ Японіи, доѣхалъ, наконецъ, и до Южной Америки, и находя, вѣроятно, что дальше дѣваться уже некуда, круто перемѣнилъ тонъ и спросилъ Воротникова:

— Ну, что, какъ поживаетъ наше земство?

Тотъ даже глаза выпарашілъ и почти испуганно переспросилъ:

— Это почему же такъ?

— Что «почему такъ»? — не понялъ Тополевъ.

— Да Америка, Австралия, Японія — и вдругъ, земство! Неужто тебя впрымъ земство интересуетъ?

Тополевъ на минуту задумался.

— То-есть, какъ тебѣ сказать? — заговорилъ онъ, потягивая сигару: — если откровенно, то — нѣтъ, не интересуетъ. Земство, конечно, великая вещь, но наши земцы, oh! Je les connais bien! Это тотъ народъ, съ которымъ, какъ говорится, каши не сваришь! При томъ, мой другъ, я — философъ и хочу прежде всего, чтобы мнѣ было хорошо, а для моего благополучія никакого земства не надо. Намъ съ Лидочкой (онъ поцѣловалъ у жены руку) нужно только другъ друга. Мы вездѣ съ собой несемъ наше счастье. Такъ ли, голубка?

«Да что онъ, — соображалъ Воротниковъ: — вышилъ, что ли, вина много за завтракомъ. И если это такъ, то очевидно, другъ мой безмѣрно счастливъ».

— А вы, Константина Федоровичъ, интересуетесь земскими вопросами? — спросила вдругъ Лидочка.

— По стольку, по скольку они касаются моихъ интересовъ, — откровенно сознался Воротниковъ. — Да мнѣ — некогда! — добавилъ онъ, какъ бы въ свое оправданіе.

— Да, душа моя! Это вотъ и есть русскій абсентеизмъ, — заговорилъ вдругъ, опять мѣняя тонъ, Тополевъ. — Ты — крупнѣйший здѣшній помѣщикъ, молодой интеллигентный человѣкъ, а къ земскому дѣлу относишься спустя рукава. Постой! Постой! Я знаю, что ты хочешь сказать! Ты хочешь привести мой личный примѣръ. Такъ я, мой другъ, въ данномъ случаѣ совершенно примѣромъ быть не могу. Ты — хозяинъ, да еще какой хозяинъ-то! А я въ хозяйствѣ ни бельмеса не смыслю! Ты — человѣкъ земли, я — человѣкъ города. Если-бы я вздумалъ заниматься земскими дѣлами, я бы не пользу, а одинъ только вредъ принесъ, потому что все перепуталъ бы. Я — помѣщикъ исключительно потому, что получила землю въ наслѣдство, не унаследовавъ — увы! — никакихъ земскихъ качествъ. Я даже увѣренъ, что кунецъ Слюзинъ на моей землѣ больше толку надѣлаетъ.

— Не велика мудрость! Могъ бы и ты дѣлу выучиться, если бы захотѣлъ, — замѣтилъ Воротниковъ.

— Ну, а вотъ я именно этого-то и не хочу!

— Почему?

— Да потому, что лѣни! Но не во мнѣ тутъ дѣло, — продолжалъ Тополевъ, напирая на Воротникова. — Но какъ ты, ты съ твоимъ опытомъ, съ твоей энергией заправского хозяина, можешь равнодушно относиться къ святому земскому дѣлу, не бороться съ корыстью и невѣжествомъ — вотъ этого я понять не могу.

— Постой, — остановилъ его Константинъ Федоровичъ: — да кто-жъ тебѣ сказалъ, что я не занимаюсь земскимъ дѣломъ? Да я имъ только и занимаюсь, съ утра до ночи, не покладая рукъ!

— То-есть, какъ это? — переспросилъ Тополевъ.

— Да очень просто. Я занимаюсь моимъ хозяйствомъ, а развѣ это не земское дѣло?

Николай Васильевичъ помолчалъ немного и потомъ снова заговорилъ, мягко улыбаясь:

— Милый Костя! Я тебя знаю не со вчерашняго дня. Мы съ тобой, голубчикъ, на одной скамейкѣ въ гимназіи сидѣли, и знаю, что ты всегда былъ охотникъ до такихъ увертокъ, особенно, бывало, когда тебя къ стѣнѣ припрутъ. Но пойми же ты, что не имѣть права сильный, здоровый, богатый человѣкъ заниматься только своимъ дѣломъ. Помимо своего, есть еще и дѣло общее, и избѣгать этого дѣла — никто не имѣть права. Помоги слабому, помоги неудачливому!

— Это что же? По-твоему, я долженъ о всякихъ лѣнтияхъ да тунеядцахъ заботиться? — почти грубо переспросилъ Воротниковъ.

— Костя! Это ты не свои слова говоришь! — остановилъ его Тополевъ. — Это слова твоей маменьки.

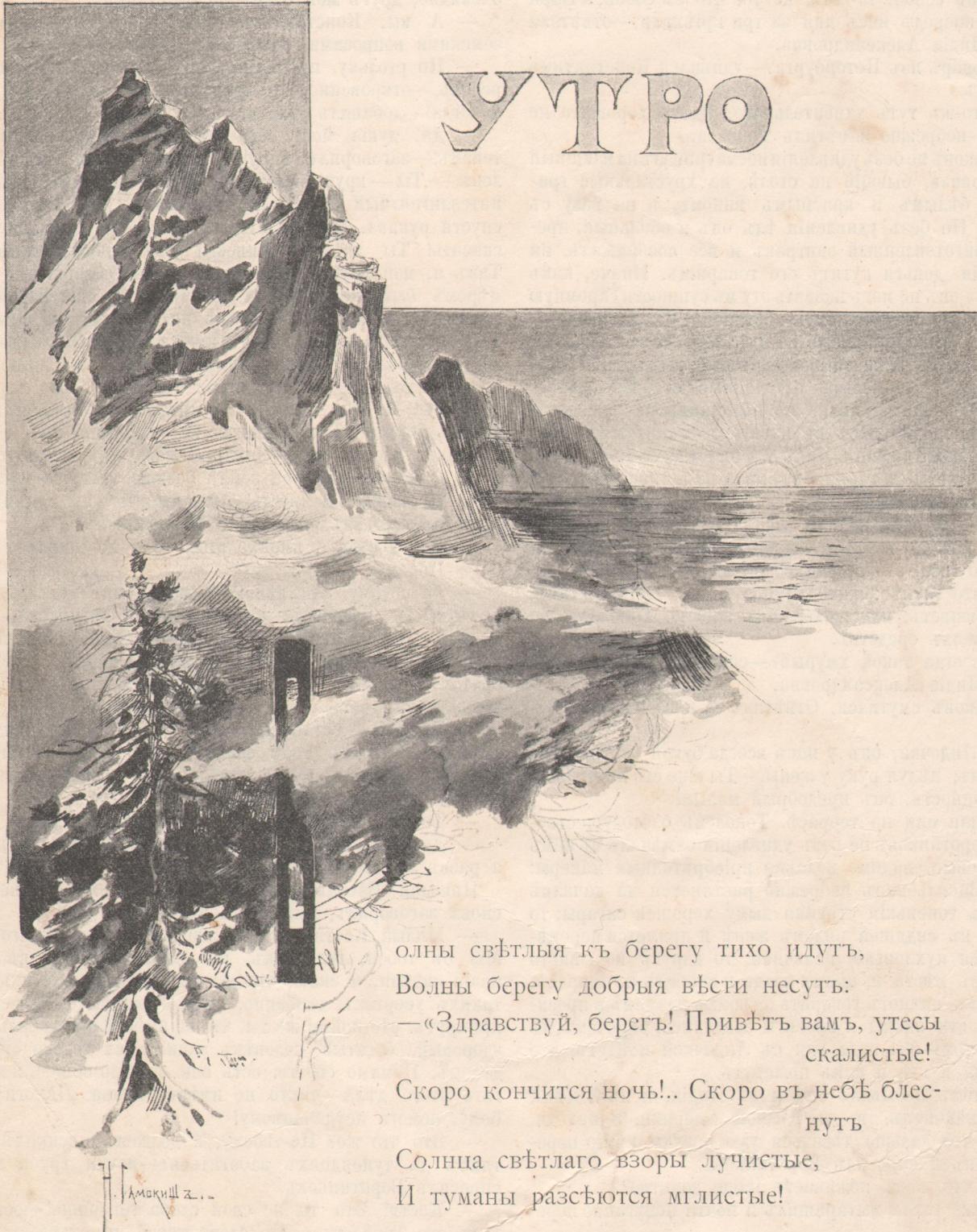
— Ну, такъ что-жъ, что маменьки! Маменька мнѣ мать, и къ ея словамъ я не имѣю права не прислушиваться.

— Костя! Костя! Зачѣмъ ты со мной хитришь? Этого совсѣмъ, братъ, не надо! Повторяю тебѣ, не со вчерашняго дня мы знакомы! Знаю я и сердце твое, и душу, и знаю я, что часто-часто ты тяготишься тѣмъ, что сейчасъ отстаиваешь! Знаю я, какіе черви у тебя внутри возятся и твоей совѣсти покою не даютъ...

— Такъ оставь хотъ ты мою совѣсть въ покоѣ, — уже совсѣмъ грубо оборвалъ Воротниковъ.

Лидія Александровна даже испугалась. Ей показалось, что друзья сейчасъ совсѣмъ разссорятся. Ей хотѣлось перевести разговоръ на какую-нибудь другую тему, но — увы! — никакая другая тема ей въ голову не приходила.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мы изъ свѣтлого края ту вѣсть при-
несли,
Гдѣ рождается утро за гранью земли,
За холодной и темной ея половиною...
Вотъ, и утро идетъ, и свѣтлѣеть вдали,
И горитъ надъ морскою пучиною,
Надъ пустыннаго моря равнино...

олны свѣтлыя къ берегу тихо идутъ,
Волны берегу добрая вѣсти несутъ:
—«Здравствуй, берегъ! Привѣтъ вамъ, утесы
скалистые!

Скоро кончится ночь!.. Скоро въ небѣ блес-
нуть

Солнца свѣтлаго взоры лучистые,
И туманы разсѣются мглистые!

Утро свѣтлое къ родинѣ нашей идетъ,
Вѣсть объ утрѣ сіяющемъ сердцу несетъ
И надеждъ, и обѣтовъ волна перекатная...
Скоро зорька блеснетъ! Скоро солнце взой-
детъ!

Сгинь-же, темная ночь необъятная,
Здравствуй, утра краса благодатная!..

Б. Никоновъ.

Ангелъ-Хранитель.

Разсказъ

В. М. Михеева.

I.

Темная ночь царила вблизи мѣстечка Сяосырь, нѣдалекъ отъ Мукдена. Федотъ Силантьевъ, рядовой въ отрядѣ русскихъ охотниковъ, тихо пробирался плечо о плечо со своими товарищами, чутко слѣдя за тѣмъ, чтобы не произвести ни малѣйшаго шума. Поискъ, для котораго вышелъ этотъ небольшой отрядъ подъ начальствомъ молодого отважнаго офицера, долженъ быть произведенъ съ возможной осторожностью. Отъ него ждали значительныхъ результатовъ, и молодой начальникъ хотѣлъ вернуться къ своему полковому командиру, не только показавъ отвагу и выдержку, но и привнесъ какое-нибудь важное извѣстіе о положеніи таинственной во мракѣ этой холодной ночи вражеской арміи.

Передъ выступленіемъ въ походъ офицеръ обратился къ своему небольшому отряду съ краткой рѣчью, изъ которой Федотъ Силантьевъ, главнымъ образомъ, удержалъ въ головѣ завѣтъ, какъ можно меньше шумѣть и какъ можно зорчеглядываться въ тьму. И все его существо какъ бы ушло въ это опущеніе напряженной тишины и еще болѣе напряженногоглядыванія въ тьму ночи. Руки его замерли, сильно сжимая прикладъ ружья, которое онъ держалъ на перевѣсъ, ибо офицеръ приказалъ такъ держать оружіе и пустить немедленно пушю во врага, если это понадобится. Ноги Силантьева, въ грубыхъ разносившихъ сапогахъ, осторожно ступали по неровной застывшей почвѣ, гдѣ еще недавно высился лѣсь гаоляна, теперь срѣзанный и затруднявшій своей щеткой каждый шагъ Силантьева. И его вниманіе къ темнотѣ и звукамъ ночи нѣсколько отвлекалось стараніемъ безшумно балансировать на этой жесткой, едва сгибающейся подъ тяжелымъ сапогомъ, щеткѣ манчжурскаго растенія.

И, весь напряженіе, Силантьевъ, шагъ за шагомъ, плечо о плечо съ товарищемъ, двигался въ страшной тьмѣ, точно постепенно исчезая для самого себя въ бездонной пасти какого-то чудовища, лишеннаго очертаній и вѣющаго нечувствительно въ грудь и голову мертвящимъ дыханіемъ.

Вдругъ глубина этой пасти зажглась безмолвными огненными точками, которыя какъ мгновенно удлиняющаяся щипочка раскинулась вправо и влево. Федотъ не слыхалъ звуковъ выстрѣловъ, онъ даже не понялъ, что съ нимъ случилось; онъ вдругъ почувствовалъ, что какъ-будто невидимая муха укусила его въ лѣвую сторону лица, и щетка гаоляна поплыла изъ-подъ его ногъ, и кто-то на бѣгу перескочилъ черезъ него.

Дальше все скрылось для его сознанія.

II.

Федотъ Силантьевъ очнулся. Онъ раскрылъ глаза съ трудомъ, тяжело раздвигая вѣки, рѣсицы которыхъ слиились отъ накибѣнныхъ и застывшихъ въ нихъ слезъ. Когда онъ раскрылъ глаза, то не зналъ, на что онъ смотрѣть, что это такое надъ нимъ, блѣдно-голубое, холодное, ясное, какъ-будто и прозрачное, но въ сущности пропускающее только равнодушный и безжалостный въ этомъ равнодушіи свѣтъ. Федотъ долго и неподвижно смотрѣлъ вверхъ, и отъ этого свѣта ему дѣжалось больно.

Но потому онъ понялъ, что боль у него не въ глазахъ, а пониже лѣвой скулы, откуда она и расползается, начинаясь въ орбите лѣваго глаза, по переносцу къ правому глазу, къ правой щекѣ и, слабѣя, ползть какимъ-то саднищимъ отраженіемъ на подбородокъ. И понявъ внезапно, что эта боль не отъ холоднаго, свѣтлаго неба, а отъ собственнаго его лица или отъ чего-то, что злобно и неоступно вкрадлось въ его лицо, Силантьевъ тихо приподнялъ слабую, какъ ледь,

походѣвшую руку и коснулся своей лѣвой щеки. Его пальцы и ладонь пронизли точно по древесной корѣ. И онъ вдругъ понялъ, что ранень въ лицо, что кровь его запеклась и что онъ беспомощно лежитъ среди чужого поля на жесткой поросли и смотрѣть на чужое, равнодушное къ нему небо. Точно змѣя ужалila вдругъ Федота подъ самое сердце. И онъ, несмотря на оковывающую его слабость, судорожно приподнялся и сѣлъ.

Когда онъ сѣлъ, онъ почувствовалъ подобіе сильной острой зубной боли во всей своей правой ногѣ. Когда же онъ попробовалъ двинуть эту ногу, боль стала невыносимой, и онъ понялъ, что это чужая, какъ-будто совсѣмъ ненужная ему, теперь нога не пустить его сдвинуться съ мѣста, какъ постороннее, вѣшившееся въ его тѣло злое животное. Сидя, онъ окунулъ взглядомъ свои ноги въ толстыхъ солдатскихъ штанахъ и тяжелыхъ, точно распухшихъ и покрывшихъ коростой сапогахъ; онъ не только не замѣтилъ никакого признака раны, но даже никакого разрыва платья или обуви. Очевидно, нога его была размозжена конытами, наскочившими на него лошади.

Федотъ уже готовъ былъ простонать, жалостно и слабо, какъ ушибленный ребенокъ, но невольно удержанъ въ себѣ эту стонъ-жалобу и началъ озираться кругомъ глазами, которые внезапно наполнились холодными слезами. Слезы, очевидно потекли на коросту раны, ибо жгучая дергающая боль подъ лѣвой скулой, а отъ нея и по всему лицу усилилась. Федотъ увидѣлъ, что вокругъ него сѣрая долина, окруженная плоскими холмами, сопками, какъ здѣсь называются, и на этихъ сопкахъ кое-гдѣ курятся струйки дыма, расползаясь въ разныя стороны. Силантьеву стало ясно, что онъ ранень въ лицо и не можетъ сдвинуться съ мѣста, благодаря размозженной ногѣ, и сидѣть теперь безнадежно и беспомощно на виду у того, кто первый появится въ этой долинѣ, врагъ или другъ, тотъ, кто доставить его на перевязочный пунктъ, или тотъ, кто приколеть его на мѣстѣ, жестоко измучивъ передъ этимъ ударами штыка или приклада, чего онъ боялся, по слухамъ, отъ японцевъ.

Въ какомъ-то глухомъ ужасѣ, чувствуя, что кромѣ тѣхъ постороннихъ злыхъ силъ, что вились язвящей и жгучей болью въ его ногу и лицо, извнутри его ползть по всему его тѣлу еще беспощадное, злое животное, томить его, терзать, заставлять стѣнки его рта и языка то подергиваться скулой и горькой влагой, то пересыхать до мучительного опущенія. Силантьевъ упалъ опять на спину и снова увидѣлъ надъ собой чужое равнодушное небо.

III.

Долго ли таекъ лежалъ Федотъ, онъ самъ не чувствовалъ. Ему казалось, что временами онъ умираетъ; и онъ почти не замѣчалъ, какъ въ промежуткахъ между этимъ мертвеннымъ опьянѣніемъ онъ думалъ, вспоминаль, смутно грезилъ и шепталъ отрывки молитвъ.

О чёмъ онъ думалъ, трудно сказать, но это были недовыразившіяся мысли крестьянина о жизни и о смерти, которыя, въ концѣ концовъ, переходили въ какое-то тупое, почти безучастное повтореніе словъ: «Ну что-жъ, умирать такъ умирать; лишь бы не мучили. Усталъ».

Воспоминанія въ немъ вспыхивали живѣе и ярче, чѣмъ думы. Деревня, семейные, сверстники-мужики, все это иногда стояло передъ нимъ, какъ живое, и по груди его проходила судорога, назрѣвали вѣхлипыванья, но злые животныя:—жажды и голодъ—глубоко вѣшились неумолимыми зубами въ его сведенное горло, и, вмѣсто рыданія, сухой хрюнь точно насыпшіво шуршалъ въ его горловыхъ слизихахъ, какъ шуршать въ порывѣ злого вѣтра, касаясь другъ друга, вы

„Въ госпиталѣ“.

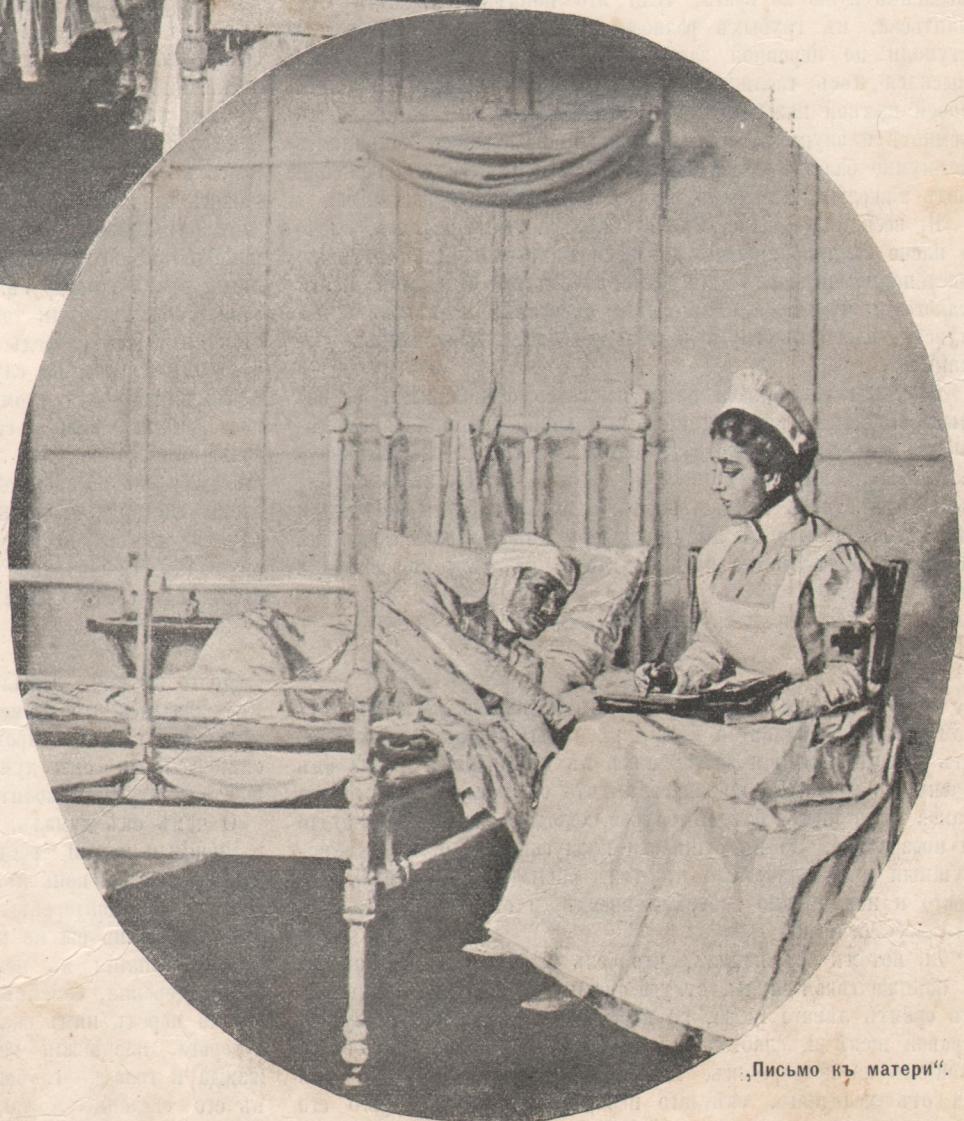
сохшіе тростники у готовой скоро застынуть рѣчки.

Огрызки молитвъ приходили ему въ голову такъ же смутными клочками, но всего чаще и всего яснѣе вспоминалась молитва передъ ученицемъ, которую онъ нерѣдко мальчикомъ читывалъ въ земской школѣ, передъ началомъ урока, вслухъ и которую поэтому знать тверже другихъ молитвъ.

Все это вспыхивало въ немъ, то съ мучительной остротой, то впенанно мертвенно тускнѣло. Но вдругъ одно воспоминанье ярко зажглось въ его душѣ и, точно ослабивъ звѣрскія усиля замучить его до смерти,— усилия его ранъ, его жажды, его голода,— повѣяло чѣмъ-то властнымъ и отраднымъ на все его чахнущее существо.

Незадолго до отправленія ихъ отряда въ ночной поискъ японцевъ, командиръ ихъ роты, только что бывшій у полкового командира, сказали имъ:

— Ребята, сегодня изъ штаба корпуса по телефону сказали нашему.

„Письмо къ матери“.

Посмертная выставка В. В. Верещагина.

полковнику, что отъ Стесселя изъ Портъ-Артура, главнокомандующимъ получена телеграмма, что они еще геройски отбиваются отъ японцевъ, геройски одиннадцатый мѣсяцъ выносятъ и осаду, и штурмы и надѣются выдержать, сколько бы они еще не продлились. Помните, что каждый изъ настѣ здѣсь, у Мукдена, своей доблестной вѣрной службой готовить имъ спасеніе. Поможетъ намъ Богъ одолѣть здѣсь японцевъ, мы пойдемъ къ Портъ-Артуру, освободимъ нашихъ героевъ, и тогда Россія—побѣдительница покажетъ всю свою силу своимъ врагамъ.

И въ долгой, понятной солдатамъ, доступной рѣчи ротный командиръ описалъ все, что переживаютъ и какъ борются герои Портъ-Артура.

Когда онъ кончилъ солдатамъ свою рѣчь, на его густомъ полу值得一омъ усѣз заколебалась крупная слеза. Ротный командиръ былъ пожилой воинъ, уже дѣлавшій на Востокѣ кампанію во время китайской войны и потомъ служившій незамѣтно въ глубинѣ Сибири въ своей скромной боевой должности. Онъ самъ па себя раз-

сердился за эту слезу и гибко смахнул ее своей темной мозолистой рукой, на которой одиноко поблескивала полоска обручального кольца. Но слеза не ускользнула от зоркого внимания солдата, и она-то, в связи со словами ротного командира, ярко вспомнилась теперь Федоту Силантьеву.

Онъ почувствовалъ, какъ рыданіе свободно вырвалось изъ его груди, и онъ прошепталъ:

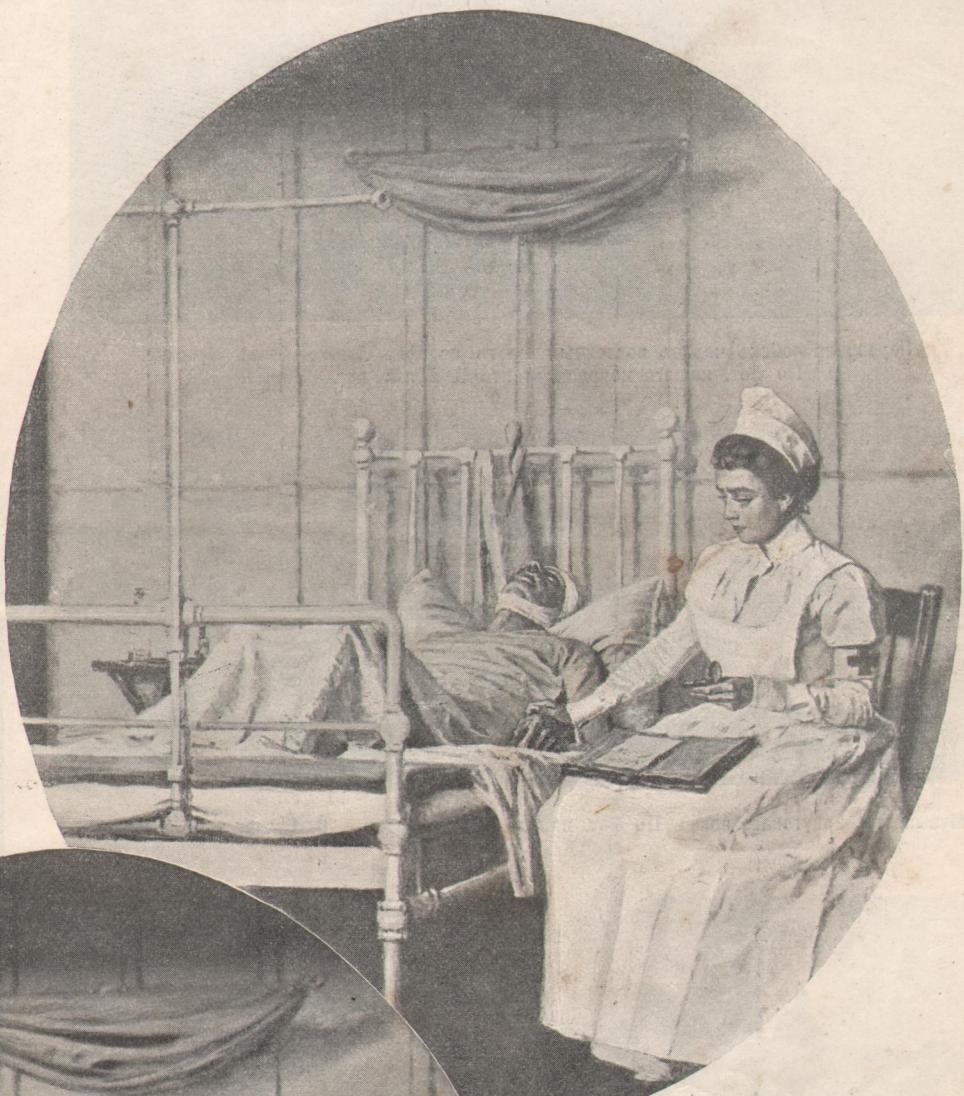
— Умирать, такъ умирать; ради нихъ не страшно и умереть.

Голова его закружилась, посыпало точно въ какомъ-то отрадно объявившемъ его облаѣ, и онъ потерялъ сознаніе.

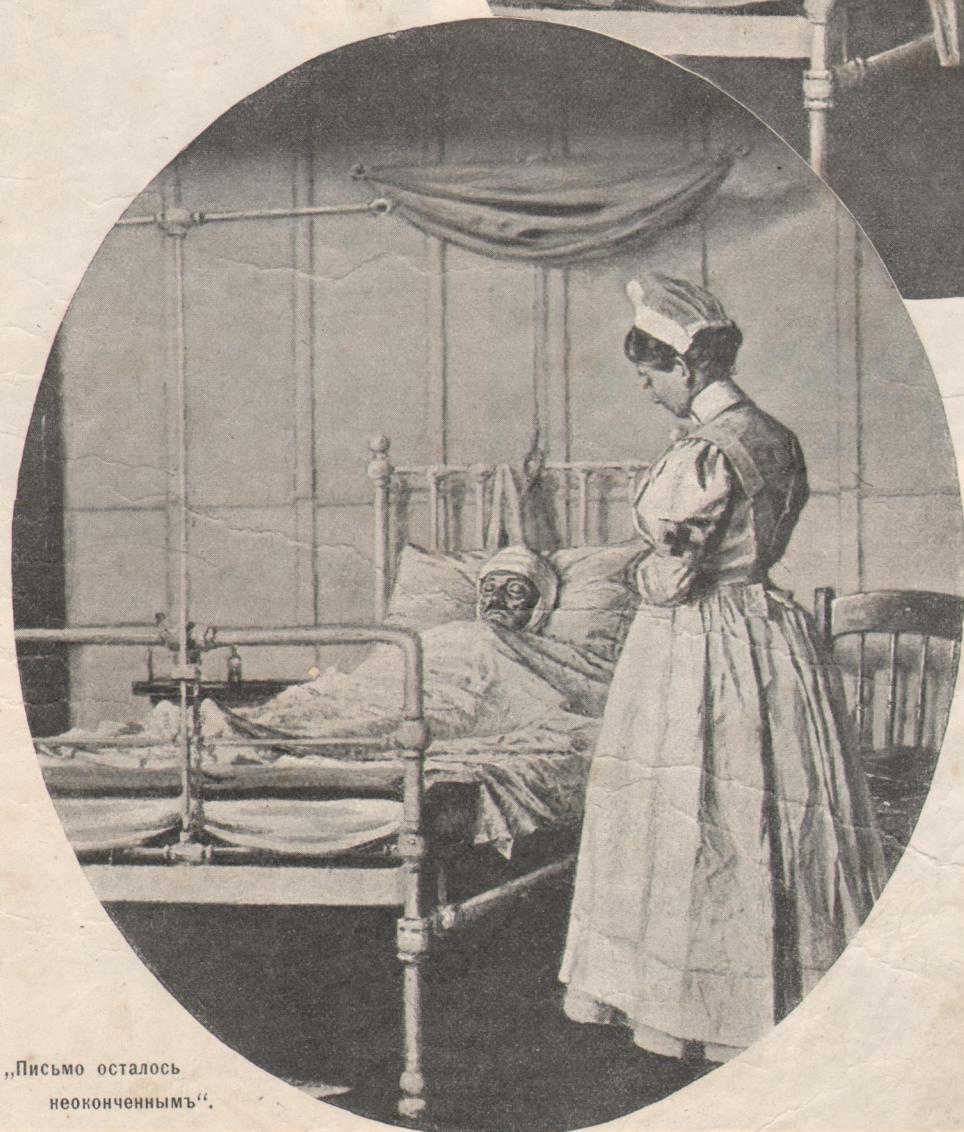
IV.

Федот Силантьевъ раскрылъ глаза.

Чистыя, сѣроватыя полы низкаго военнаго шатра какъ-то успокотельно свѣнивались надъ нимъ. Половина его лица была плотно покрыта чѣмъ-то бѣлымъ и мягкимъ, изъ-подъ чего слегка распространялся приятный теперь для него, какъ-будто дегтярный, по какъ-будто и иной, запахъ.

„Письмо прервано“.

„Письмо осталось
неоконченнымъ“.

Посмертная выставка В. В. Верещагина.

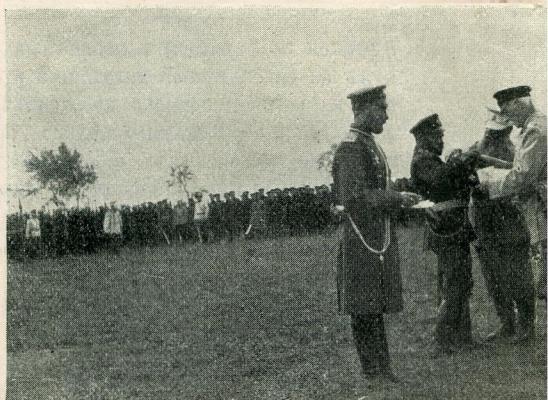
Лѣвый закрытый глазъ былъ точно прижать ласковой рукой, не дававшей ему раскрыться. Но боли ни въ этомъ глазѣ, ни въ скѣль подъ нимъ уже не было. Также и въ вытянутой, вдоль койки, правой ногѣ не было никакой боли, но когда Федотъ попробовалъ ее пошевелить, то его поразила ся полная неподвижность, точно она у него окаменѣла.

Силантьевъ сразу какъ-то ощутилъ, что на немъ нѣть тяжелаго солдатскаго плаща, а все его слабое, но теперь чуждое всякой болѣзниности тѣло облекаетъ грубоватая, но мягкая чистая рубаха, сквозь которую ему особенно пріятно ощущается бараний мѣхъ новаго, пахнущаго свѣжей кожей, тулуника; на ногахъ же ласково лежитъ что-то теплое, заботливо ихъ окутывающее. Особенно запахъ свѣжей кожи тулутика бодряще подействовалъ на Федота — вспомнилась деревня, зима въ ней, легкія дровини и послѣдній отъ изморози Гиѣдко.

И Федоту вдругъ захотѣлось потягнуться всѣмъ тѣломъ. Когда онъ эт-

Переправа войскъ че́резъ понтонный мостъ на рѣкѣ Ляо-хэ, близъ Мукдена.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Награждение гг. офицеровъ 4-го корпуса 2-й сиб. пѣ.
По фот. нашего корреспондента В. Булла

Музыканты иркутского полка. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Землянка, въ которой живетъ румынскій военный агентъ г. Харланіе и адъютантъ генерала Зарубаева, Е. А. Кохно. По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Китаецъ-переводчикъ

Группа офицеровъ 4-го корпуса во главѣ съ ген.-лейт. Зарубаевымъ и ген.-майоромъ Огановичемъ.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

Молебень и парадъ по случаю раздачи офицерамъ георгіевскихъ кавалерийскихъ честей.
Отданіе чести георгіевскимъ кавалерамъ. По фот.

пѣх. дивизіи георгіевскими крестами.
3: Булла, авт. «Нивы».

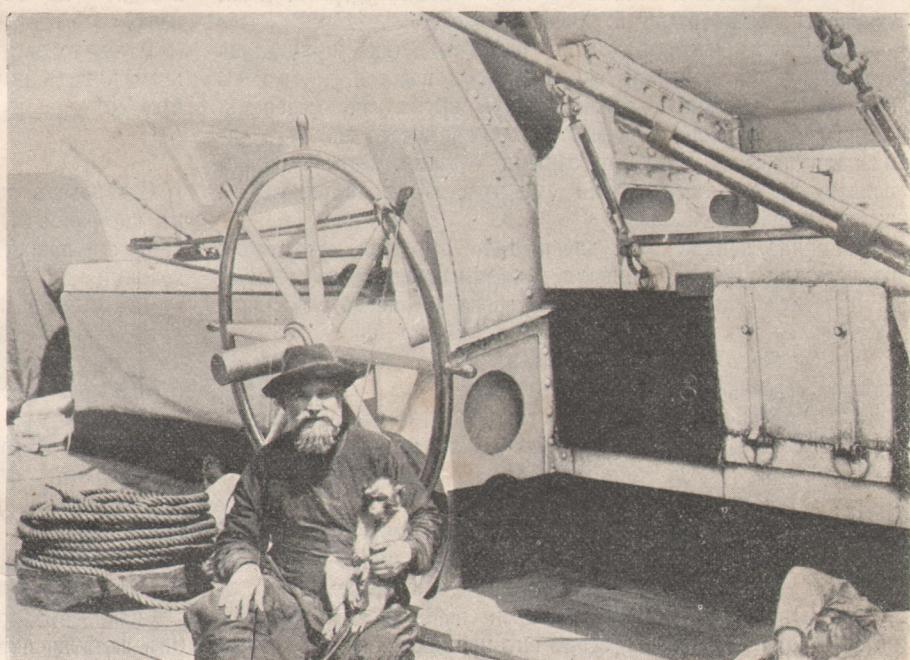
Телинъ. Похороны товарища-офицера.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

при войсковой части.

вскихъ крестовъ въ 4-мъ корпусѣ 2-й сиб. пѣх. дивизіи.
нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

На Дальній Востокъ. Въ свободную минуту.
По фот., авт. «Нивы».

Обѣдъ въ 4-мъ корпусѣ въ честь офицеровъ—георгіевскихъ кавалеровъ.
По фот. нашего корреспондента В. Булла, авт. «Нивы».

сдѣлалъ, голова его невольно закинулась назадъ на мягкой подушкѣ, набитой чѣмъ-то сухимъ, но пріятно хрустящимъ при движеніяхъ на ней головы.

При этомъ правый глазъ Федота увидѣлъ надъ собой тихое женское лицо, обрамленное блѣлимъ чепцомъ. Добрые и грустные глаза смотрѣли на Федота радостно, ободряюще, и тихій слегка сиплый, какъ-будто отъ надорванности, голосъ произнесъ:

— Очнулся, голубчикъ?

Федотъ упорно смотрѣлъ въ глаза этому видѣнію, спрашивая молча взглядомъ о той неожиданной перемѣнѣ, которая, очевидно, произошла въ его судьбѣ. Женщина въ чепцѣ поспѣла его.

— Нашли тебя, милый, принесли; лицо и ногу забинтовали, кое-какъ влили молоко сквозь твои зубы; принесли тебя полумертваго. Дни три, небось, лежалъ въ полѣ, за холмами. Теперь поправились, пурпурнули, ногу въ гибель заѣдѣли, въ двухъ мѣстахъ тебѣ ее, вѣрно, лошадь перешла коньтотъ, срастется отлично, будешь совсѣмъ здоровъ. Лежи только спокойно, отдыхай. Хочешь молока?

И не дожидаясь его отвѣта, она тихо, тихо приподняла его голову отъ подушки одной рукой, поднося другую къ его губамъ глинянную, глазированную кружку съ молокомъ.

И Федотъ въ одно мгновеніе глопнулъ молока и вдругъ заплакалъ неожиданными, отрадными слезами. Онъ увлажили повязку на его лицѣ и дали ему чувство пепизмѣримо блаженной слабости.

Женщина поняла это, вновь тихо опустила его голову на подушку, провела блѣдными, тонкими пальцами по его лицу и, чувствуя, какъ онъ полусознательно затахаетъ подъ движеньемъ ея руки, неслышно отошла отъ его койки.

Федотъ точно опять опустился въ мягкое нѣжное облако, которое бережно понесло его въ область сна, впервые для него въ теченіе изѣколькихъ дней не тѣгостно-мертвеннаго, не болѣзеннаго, а сладостно-успокоянаго.

V.

Федотъ вдругъ понялъ, что онъ въ ряду другихъ солдатъ, въполномъ походномъ вооруженіи, идетъ мѣрно-строевымъ шагомъ, утомленный, но бодрый, впередъ и впередъ.

Онъ чувствуетъ сознаніе великой побѣды, въ одержаніи которой надъ упорнымъ врагомъ онъ принималъ участіе, какъ маленькое, необходимое колесо мучечей машины.

А впереди уже видѣются тѣ холмы и бастіоны, на которыхъ еще вѣтъ русское знамя, колышась своими истреинскими и прострѣянными ключьями надъ выступами укрѣплений, надъ волнами темнаго моря, надъ мачтами русскихъ кораблей. Онъ видѣтъ все это ясно, отчетливо, такъ, какъ описывать видъ Портъ-Артура ротный командръ.

Силантьевъ усталъ въ долгомъ походѣ, но онъ шагаетъ все бодрѣ и бодрѣ.

Впереди онъ видѣтъ на конѣ своего ротнаго командинра, а надъ нимъ исется блѣдая тонкая фигура въ крылоподобномъ блѣдомъ чепцѣ и тихими глазами и блѣдными нѣжными руками зоветъ Федота вдалъ, туда, гдѣ вѣтъ израненіе знамя надъ бастіонами, надъ моремъ, надъ мачтами...

Силантьеву знакомо это тихое лицо, эти пѣжныя блѣдныя руки, но онъ почти не сознаетъ, гдѣ онъ видѣлъ ихъ раньше, ему почему-то только вспоминается молитва объ ангелѣ-хранителѣ, которую онъ училъ еще мальчикомъ въ земской школѣ.

Онъ тогда однажды серьезно задумался о томъ, какой видъ у этого ангела и слетасть ли ангелъ въ этомъ видѣ къ дѣтямъ.

Федотъ даже рѣшился спросить объ этомъ, однажды, у батюшки-законоучителя, но получилъ суровый отвѣтъ:

— Молись и увидишь. Да не фантазируй, а лучше молитвъ не перевирай.

Но Федотъ такъ и не увидѣлъ ангела-хранителя и вскорѣ,

въ своей терпкѣ мужицкой жизни, почти совсѣмъ забыть молитву къ нему.

И вотъ теперь... Но въ это мгновеніе, подъ истреинскимъ знаменемъ надъ бастіонами, надъ моремъ, надъ мачтами, подъ громъ боевого марша, въ которомъ точно изнемогали барабаны и трубы, подъ ревъ пушекъ и взрывовъ, раздались радостные клики изъ-за боевыхъ холмовъ и окоповъ, тысячи рукъ протянулись къ Силантьеву и ко всѣмъ его спутникамъ-сопатникамъ, которые радостной и грозной тучей побѣдоносной арміи подвигались къ этимъ тысячамъ рукъ, къ этому знамени надъ бастіонами, надъ моремъ, надъ мачтами.

И вдругъ Силантьевъ точно выросъ, обратился въ гиганта. Тихій и свѣтлый призракъ надъ нимъ взялъ его за руку и повлекъ его, какъ вихрь, къ этому знамени, къ этимъ тысячамъ протянутыхъ къ нему рукъ. И подъ гармонично-страшные звуки трубы и барабановъ невѣроятно быстрымъ полетомъ понесся Силантьевъ за своимъ свѣтлымъ и тихимъ руководителемъ къ чему-то безгранично, побѣдоносно счастливому.

И что-то загремѣло вокругъ него и съ этимъ громомъ обрушилось надъ нимъ, и онъ невольно выпустилъ блѣдную нѣжную свѣтлую руку, и потерялъ сознаніе.

VI.

Силантьевъ очнулся въ томъ же шатрѣ, на той же койкѣ, въ которой онъ очутился черезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ его нашли полумертваго отъ ранъ и голода въ полѣ за холмами.

Онъ тихо раскрылъ глаза.

Надъ нимъ стояла та же тихая женщина, которая только что осторожно отвѣла повязку отъ его лѣвыхъ глаза и щеки, готовясь ее перемѣнить.

Но была уже ночь или вечеръ, и фонарь-ночникъ съ яркимъ рефлекторомъ, прикрытый голубой занавѣской, придававшей свѣту фонаря нѣжный успокоятельный и нѣсколько фантастический оттѣнокъ, озарялъ черты склоненного надъ Федотомъ лица.

— Проснuleя, голубчикъ. Ну, поздравляю съ праздникомъ. Сегодня вѣдь сочельникъ. Завтра Рождество Христово.

Силантьевъ вдругъ неожиданно выпрямился на своей койкѣ. Онъ замѣтно окрѣпъ и какъ-будто чувствовалъ, какъ новыя силы приливаютъ къ его труди, съ которой онъ точно только что сбросилъ груду тяжелыхъ камней.

Онъ во всѣ глаза смотрѣлъ на тихое, свѣтлое лицо, въ голубоватомъ сияніи казавшееся совсѣмъ неземнымъ.

— А Портъ-Артуръ? — хрипло спросилъ онъ.

Тихое лицо въ голубомъ сияніи вдругъ все покрылось точно туманомъ, и слезы, какъ брильянты, засвѣтились въ тихихъ глазахъ.

— Скрывали мы отъ васъ, больныхъ, но не могу, — и, точно побуждаемая чѣмъ-то неудержимымъ, поднявшись высоко ся грудь, она прибавила, вѣхлипывая и едва удерживаясь отъ рыданія: — паль Портъ-Артуръ! Генераль Стессель едался японцамъ!

Въ глазахъ Силантьева точно вставало безуміе.

И вдругъ онъ тихо и раздѣльно, точно съ трудомъ, проговорилъ:

— А... ангель-хранитель?

Женщина въ голубомъ сияніи смотрѣла теперь на него во всѣ свои тихіе, добрые глаза, какъ раньше онъ на нее, и вдругъ, точно понявъ что-то, произнесла:

— Ангель-хранитель плачетъ и ждѣтъ мира...

Черезъ мгновеніе раненый солдатъ истерически рыдалъ на своей койкѣ, а нѣжная блѣдная рука лѣжала спокойно на его головѣ, и тихіе страдальческие глаза въ голубомъ сияніи смотрѣли съ внутреннимъ вопросомъ въ какую-то неопределенную даль.

Свѣтъ фонаря, съ голубой занавѣской, понемногу меркнулъ.

Гдѣ-то онъ теперь? Картина Э. Оппера, грав. Манкастропа.

Героямъ Портъ-Артура.

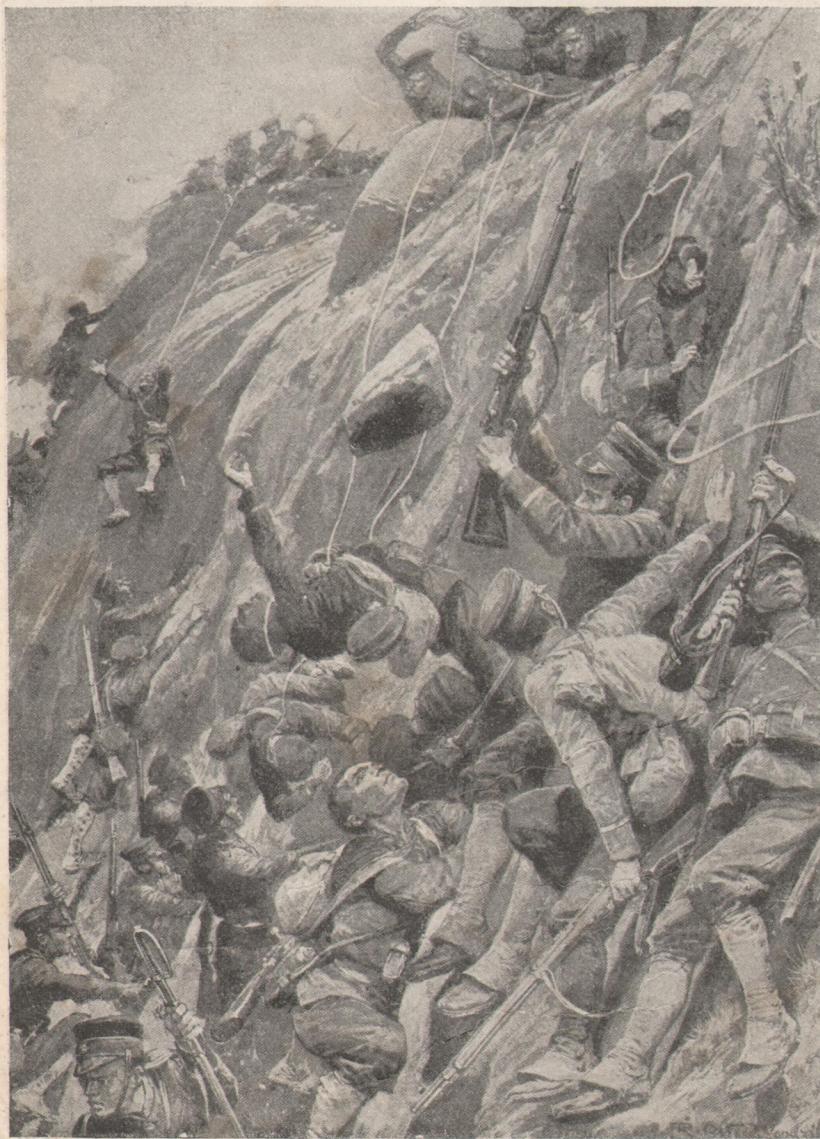
Стихотвореніе

Б. П. Никонова.

Твердыня рухнула!.. Послѣдній палъ оплотъ.
Изъ взорванныхъ фортовъ идете вы понуро...
Немного вѣсъ спаслось!.. Вы всѣ наперечетъ.
Страдальцы—ратники, герои Портъ-Артура!

Вся кровью залита земля, гдѣ бились вы,
Семь тяжкихъ мѣсяцевъ не вѣдая покоя,
И въ битвахъ падали подъ смертною косою,
Какъ стебли стройные подкошенной травы...

Желѣзное кольцо сдвигалось все тѣснѣе,
Все яростнѣй гремѣть надъ вами вражій громъ,
Болѣзни, немощи и голодъ съ каждымъ днемъ
Страдальцевъ—войновъ терзали все болынѣе...

Послѣдніе дни. Отраженіе японской атаки на высотахъ портъ-артурскихъ фортовъ.
Рис. Р. Вудвилля, авт. «Нивы».

Герой и гордость наша, генераль-маіоръ Р. И. Кондратенко, убитый въ Портъ-Артурѣ, на форту „Второмъ“, 2-го декабря пр. г.

Гнѣздо орлиное!.. Семья богатырей!

Мы твердо вѣримъ вамъ: вѣсъ не
враги сразили!
Ихъ злые полчища давно вы по-
бѣдили
И твердой волею и стойкостью
своей!

Всегда о вашъ оплотъ ихъ разбивались груди,
Пока владѣли вы запасомъ боевымъ...
Но вотъ запасовъ нѣтъ—и строй
вашъ уязвимъ.
Богатыри вы всѣ... Но вы вѣдь
все-же люди!

Для опустѣвшихъ рукъ ужъ не-
равна борьба!
И падаютъ на васъ взрываемыя
скалы...
Довольно, ратники!.. И безъ того
судьба
Вѣнцами свѣтлыми дарить вашъ
сонмъ усталый!

Что вами сдѣлано—не совершишь
другимъ!
И сонмомъ вашимъ мы гордимся
знаменитымъ,
И славу вѣчную мы воздаемъ
живымъ,
И память вѣчную—убитымъ!

На войнѣ.

(Отъ нашего специального корреспондента).

Эрдагоу.

Эрдагоу. На высокой сопкѣ находится наблюдательный пунктъ, откуда разстиляется открытый видъ на окрестности.

Съ офицеромъ генерального штаба Н* и четырьмя конвойными, мы въ 8 часовъ утра сѣли на лошадей въ селеніи Го-цзя-дзы и поскакали на югъ по дорогѣ, гладкой, какъ паркѣтъ — работа нашихъ саперовъ. Въ верстѣ отъ деревни и вѣво отъ дороги находится штабъ-квартира главнокомандующаго. Отсюда во всѣ стороны тянутся на шестахъ проводы полевого телеграфа. По дорогѣ непрерывное движение. Тянутся обозы разныхъ частей, тяжелыя арбы транспортовъ, скачут ординарцы. Мы обгоняемъ нестройную колонну солдатъ, одѣтыхъ, — кто въ полуշубѣ, кто въ пинели; мѣшики — не форменные, обувь самая разнообразная. Въ общемъ люди имѣютъ видъ поношенный и усталый. У нѣкоторыхъ головы подъ папахами и старыми фуражками повязаны платками, многие хромаютъ. Это выздоровѣвшіе отъ ранъ и возвращающіеся обратно въ боевые части.

Черезъ часъ или около того, перебѣжаемъ переваль и приближаемъ къ сопкѣ Хуань-шань, на вершинѣ которой, какъ орлиное гнѣздо, юится кумирня. У подошвы горы деревня. У воротъ крайней фанзы плещется при слабомъ вѣтрѣ флагъ Красного Креста. Моеему спутнику для кой-какихъ справокъ нужно зайти сюда. Слѣзаемъ съ коней и входимъ во дворъ. Здѣсь о гостяхъ не докладываютъ, и мы прямо входимъ въ просторную фанзу, гдѣ за

большимъ столомъ доктора пьютъ чай и закусываютъ. Тутъ и нибульки винъ, и даже висячая съ потолка керосиновая лампа. Однако, несмотря на такой комфортъ, хозяева выслушиваютъ отъ насъ новости, какъ обитатели необитаемаго острова. До нихъ вѣсти или совсѣмъ не доходятъ или доходятъ очень поздно. По русскому обычая отъ хлѣбосольства не принято отказываться, и мы не нарушили этого обычая. Между присутствующими находился В. В. Лядовъ, завѣдующий санитарнымъ отрядомъ Императрицы Александры Феодоровны, при которомъ имѣются военно-санитарныя собаки. Отвѣчая нашему любопытству, В. В. Лядовъ приказалъ привести собакъ.

Это очень умныя повидимому собачки изъ породы овчарокъ. Онѣ прекрасно дрессированы и служатъ для отыскивания раненыхъ и преимущественно ночью, когда ходятъ съ фонарями вблизи непріятеля не представляется возможнымъ.

Каждая собачка снабжена попоной съ изображеніемъ Краснаго Креста. Подъ попоной находятся: пакетъ перевязочныхъ средствъ, фляконъ съ водой и фляконъ съ коньякомъ.

Найдя раненаго, она даетъ ему возможность утолить жажду и воспользоваться перевязочными средствами, и если онъ можетъ идти, то она выведетъ его къ своимъ, если же онъ идти не въ силахъ, то она бѣжитъ къ санитару и приводить его къ раненому.

Единственный недостатокъ этихъ собачекъ, что онѣ иностранки и понимаютъ только по-немецки.

Вершина Эрдагоу. Наблюдательный пунктъ.
По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

На „Сопкѣ съ деревомъ“. Ориг. рис. нашего специального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Военно-санитарные собаки. Заведующий отрядом Императрицы Александры Феодоровны В. В. Лядовъ—въ бѣломъ полуշубкѣ.
По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Трехъ собачекъ вывели на дворъ, и я сдѣлалъ съ нихъ фотографической снимокъ.

Пора было Ѹхать дальше. Мы сѣли на коней и поѣхали рысью по направлению къ сопкѣ Эрдагоу, для сокращенія пути прямо по огорненымъ полямъ.

Представлявшаяся издали конусообразной массой сопка, чѣмъ ближе мы къ ней подѣзжали, показывала свои детали въ видѣ отроговъ, отдѣльныхъ холмовъ и лощинъ.

Когда начался подъемъ, мы, чтобы не утомлять лошадей, оставили конвойныхъ въ лощинѣ, где солдаты артиллерійскаго парка разогрѣвали на костре котелки, и стали взбираться по пологому отрогу. Съ высоты стала видна среди горной массы широкая долина, изрѣзанная, какъ морщинами, слѣдами горныхъ потоковъ.

Лучшее время въ Манчжурии осень—сухая, прохладная и ясная, и хорошо въ эту пору дышится на сопкахъ. Когда мы подходили къ гребню, обращенному фронтомъ къ юго-западу, то на склонѣ стаи видны фигуры солдатъ. Тамъ же, какъ норы, тем-

Эрдагоу.

По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

нѣли входы въ землянки, вырытыя въ горѣ.

Заворачивая влѣво и огибая долину, гребень съ восточной стороны оканчивался острой вершинкой, гдѣ виднѣлся сигнальный шестъ. Это и былъ наблюдательный пунктъ, куда мы стремились. Но пройти туда, спустившись долиной, было сомнительно—могли встрѣтиться на пути ложбины, трудно проходимыя. Мы рѣшили пройти гребнемъ.

По отлогому скату мимо землянокъ прохаживался офицеръ. Увидя насъ, онъ подошелъ, и мы познакомились. Онъ оказался командиромъ роты иркутского полка штабсъ-капитаномъ С*.

— Эту сопку можно считать центромъ позицій,—разсказывал онъ.—Войдя вонъ на ту вершину, можно видѣть всю местность, верстъ на двадцать кругомъ.

— А гдѣ японцы?—полюбопытствовалъ я.

— За горой. Если хотите, мы можемъ перейти гребень.

«Назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ», — подумалъ я и на его предложеніе постарался выразить живѣйшее удовольствіе.

Во время нашего разговора солдатики окружили насъ и тоже полѣзли за нами на гребень.

— Не показываться!—остановилъ ихъ офицеръ.—Куда лѣзетъ! Сказано:—не выходить на гребень.

Я захотѣлъ снять группу этихъ Ванюхъ и Петрухъ, которые судьбою заброшены за десять тысячъ верстъ отъ родины на какую-то сопку Эрдагоу, понесли себѣ землянки, гдѣ хоть и тѣсно, но тепло, уютно и Русью пахнетъ, и живутъ себѣ здѣсь, какъ дома, и несутъ свою тяжелую службу безпечально и покорно.

— Тогда пожалуйста поближе къ образу,—попросилъ офицеръ.

Около офицерской землянки вбить въ землю простой шестъ, и на немъ привѣщенъ образъ. Тутъ и расположилась группа.

Когда снимокъ былъ сдѣланъ, мы пошли наверхъ. Передъ нами были позиціи японцевъ. Отъ главной сопки выдвигался впередъ еще одинъ отрогъ, на краю которого возвышалась башня Эрдагоу. Этую башню японцы постоянно обстрѣливали, но теперь было тихо.

По склону нашей горы видимые намъ, но невидимые японцамъ тянулись окопы. Они были пусты — люди ихъ занимаютъ только на время боя, теперь же тамъ изрѣдка виднѣлись головы наблю-

На Эрдагоу. Землянка.
По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

дающихъ. Сторожевая служба въ окопахъ ведется непрерывно, и въ случаѣ непріятельской атаки, черезъ крытые ходы—рвы, окопы могутъ быть по тревогѣ наполнены людьми въ нѣсколько минутъ.

Наблюда такимъ образомъ, мы безпечно прогуливались по склону гребня, ярко освещенные солнцемъ. Это японцамъ не понравилось. По молчаливой долинѣ раскатился далѣкій выстрѣлъ, почти одновременно треснула разрывъ снаряда, и черное облако, закрутившись у подошвы горы, поползло, гонимое южнымъ вѣтромъ, въ нашу сторону.

Весьма непріятно послѣ первого выстрѣла ждать второго, тѣмъ болѣе, что второй бываетъ всегда вѣрѣе напраленъ. Намъ пришлось ждать не болѣе полминуты. Второй снарядъ упалъ нѣсколько ближе, но въ сторону.

— Дураки, не умѣютъ стрѣлять,—сердито произнесъ мой спутникъ, офицеръ генерального штаба.

Я же со своей стороны нисколько не обвинялъ за это японцевъ и желалъ, чтобы третьимъ выстрѣломъ, ожиданіе которого еще болѣе непріятно, чѣмъ ожиданіе второго, они показали бы какъ можно менѣе умѣнья. Я

Эрдагоу. По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

даже находились, что они не въ мѣру стараются, стрѣляя по тремъ фигурамъ, и очень мало берегутъ дороги снаряды.

Но третьяго выстрѣла не послѣдовало. Большаго вниманія мы отъ японцевъ не заслужили.

По гребню мы дошли до наблюдательного пункта. Это гладкій бугорокъ на вершинѣ горы. Здѣсь торчить сигнальный шестъ, обмотанный соломой. Около шеста беззечно сидятъ, какъ на заваленіѣ, три солдата, наблюдающіе, и мирно бесѣдуютъ.

Справляемъ: гдѣ офицеръ? Оказывается у себя въ землянѣ. Съ сѣверной стороны бугра блиндированное помѣщеніе, куда, какъ въ нору, ведетъ небольшое отверстіе ниже человѣческаго роста. При нашемъ появленіи изъ норы выходитъ артиллерійскій офицеръ, и мы опять подымаемся на вершину.

Громадное пространство открывается передъ глазами. Впереди къ югу такая же сопка съ наблюдательнымъ пунктомъ японцевъ и съ такимъ же сигнальнымъ шестомъ, какъ и нашъ, но только солома накручена на немъ пышнѣ. То, что мы видимъ около шеста, сразу привлекаетъ къ себѣ вниманіе. Тамъ копошатся какія-то фигуры. Ихъ стараешься разглядѣть, какъ обитателей другого мира, другой планеты. Они такъ же безобидно разсматриваютъ насъ.

Двумя-тремя выстрѣлами можно разметать эту группу, но стоитъ ли хлопотать — ихъ шансы совершенно равны въ этомъ случаѣ, а при такихъ условіяхъ борьба не имѣть интереса.

— Когда ихъ собирается тамъ человѣкъ двадцать тридцать, мы посылаемъ снарядъ, — говорить артиллеристъ: — да что толку, они сейчасъ попрочутся въ свои норы, и мы только свою батарею обнаруживаемъ.

Такимъ образомъ между наблюдающими установилось молчаливое и мирное соглашеніе.

Такихъ мирныхъ мотивовъ можно привести много, несмотря на всю жестокость этой кампаніи. Въ однѣмъ окопѣ, гдѣ люди больше мѣсяца сидятъ въ трехстахъ шагахъ отъ непріятеля, слѣди за каждымъ его движениемъ, одному офицеру пришло въ голову для собственного развлечения спѣть романсы. Онъ обладалъ хорошимъ голосомъ, и когда кончили пѣніе, изъ непріятельскихъ окоповъ раздались аплодисменты. Неожиданный успѣхъ такого своеобразнаго дебюта увлекъ пѣвца, и онъ, выйдя изъ окопа, пропѣлъ арию изъ оперы. Японцы не стрѣляли въ него и опять наградили дружными аплодисментами.

Въ одной деревнѣ, близко къ позиціямъ, офицеры справляли ротный праздникъ. Оркестръ игралъ танцы и разные пѣсни. У японцевъ тоже засигралъ трубачъ, и звуки музыки стали поочередно раздаваться то у непріятеля, то у насъ. Играли до тѣхъ поръ, пока музыканты не утомились.

Если, стоя лицомъ къ югу, повернуться вправо, т. е. на западъ, то видна знаменитая Путиловская сопка, незначительнымъ кону-

сомъ выдѣляющаяся изъ общей массы горнаго хряща. За ней уже начинается правый флангъ нашихъ позицій, стоящей противъ Ша-хѣ.

За горной массой съ Путиловской сопкой — равнина, скрытая отъ глазъ. Наѣво отъ Эрдагу также равнина, но впереди, за наблюдательными пунктами непріятеля, горизонтъ закрывается цѣпью далекихъ синѣющихъ горъ. И по всему протяженію, какъ естественной преградой, наши и японскія позиціи раздѣляются серебристой вьющейся полоской обмелѣвшей рѣки Ша-хѣ.

Вотъ общий характеръ мѣстности, видимой съ Эрдагу. Впереди — таинственно и загадочно, сзади — жизнь и движение. Части войскъ тянутся черной змѣйкой, пятнами обозначаются стоянки расположения артиллерійскихъ парковъ или резервныхъ частей, по бѣльмъ флагамъ видны расположения лазаретовъ, по большей части въ селеніяхъ, множество синеватыхъ дымковъ, стелющихся по равнинѣ, указываетъ на присутствіе землянокъ, которыхъ безъ нихъ незамѣтны.

Пока мы разсматриваемъ широкую панораму, впереди изъ долины раздаются отрывистые ружейные выстрѣлы, какъ удары палкой о сухую доску.

— Это японцы стрѣляютъ по нашимъ фуражирамъ, — говорить артиллерійскій офицеръ. — Кругомъ соломы нѣть — все уничтожено, покуда здѣсь стоять арміи, а на нейтральной подошве между нами и японцами еще есть чѣмъ поживиться. Вы видите тамъ пыль на полянѣ — это ъдуть наши, а вотъ та рощица за рѣкой занята японцами, оттуда и выстрѣлы слышны.

Дѣйствительно въ бинокль ясно видны конные фигуры въ полушубкахъ, скачущія вовесь каррьеръ вдоль берега. Ихъ пять всадниковъ. У каждого черезъ сѣдло перекинуты по двѣ большія охапки чумизной соломы. У одного отъ быстрой ъзды охапка растрепалась и разсыпалась по дорогѣ. Частые выстрѣлы провожаютъ ихъ. Но вотъ груша всадниковъ замедляетъ бѣгъ, идетъ рысью и затѣмъ шагомъ. Выстрѣлы прекращаются. Наші фуражиры благополучно зашли за складку мѣстности, незамѣтной для насъ, но которая скрыла ихъ отъ непріятеля.

Багровое солнце склоняется къ Путиловской сопкѣ. Становится свѣжо. Мы спускаемся съ горы и долго блуждаемъ по ложбинамъ, отыскивая лошадей. Наконецъ, на холмѣ вдругъ показывается конная фигура одного изъ конвойныхъ. Онъ прослѣдилъ за нами и привелъ нашихъ лошадей. Садимся и ъдемъ сначала рысью. Остальные конвойные скоро догоняютъ насъ. Темнота наступаетъ быстро. По полямъ, изрѣзаннымъ грядами, держась прямого пути, можно ъхать уже только шагомъ. Пути не видно. Отпускаемъ повода и предоставляемъ лошадямъ идти самимъ. Онъ лучше насъ найдутъ дорогу до дома.

Въ равнинѣ загораются костры, играютъ повѣстки, затѣмъ зорю, и раздается пѣніе вечерней молитвы...

Го-цэя-дзы.

В. Табурина.

Обѣдъ въ китайскомъ ресторѣ.
По фот. нашего спец. корресп. В. Табурина, авт. «Нивы».

Ладеніе Портъ-Артура.

Восьмимѣсячная кровавая трагедія обороны Портъ-Артура закончилась паденіемъ крѣпости, на защиту которой было затрачено столько жертвъ, столько крови, столько дорогихъ отечеству жизней. Генераль Кондратенко, эта душа героической обороны, неистощимый изобрѣтатель всѣ новыхъ и новыхъ средствъ борьбы, былъ убитъ 2-го декабря, и послѣ его смерти крѣпость продержалась только двѣ съ половиною недѣли. Ея положеніе было несравненно болѣе критическимъ, чѣмъ можно было думать по извѣстіямъ русской и иностранной печати. Въ своихъ послѣднихъ донесеніяхъ генераль Стессель жалуется на полное истощеніе боевыхъ и жизненныхъ припасовъ, на повальная болѣзнь, опустошившій изголодавшійся и почти безоружный гарнизонъ. Постоянно возобновляемыемъ евѣжими подкрепленіями силамъ врага онъ могъ противопоставить только шестнадцать тысячъ больныхъ и раненыхъ и пять тысячъ способныхъ стоять подъ ружьемъ,

но безконечно истомленныхъ непосильною службою по оборонѣ линіи въ 27 верстъ, измученныхъ лишеніемъ солдатъ. Въ послѣдніе дни они питались однимъ рисомъ. «Люди стали тѣнами» — говорить о нихъ на своемъ яркомъ эпическомъ языке генераль Стессель. Дальнѣйшее сопротивленіе при такихъ условіяхъ было уже безполезнымъ и повело бы только къ бесплодной рѣзни. Но конецъ героическому сопротивленію портъ-артурцевъ былъ положенъ не столько недостаткомъ жизненныхъ припасовъ, сколько истощеніемъ снарядовъ. Оказывается, что послѣдними крѣпостью была снабжена далеко не въ достаточномъ количествѣ, чѣмъ сколько требовалось сообразно ея громадному значенію. На 200 выстрѣловъ осаждающей артиллериі есажденные давно уже могли посыпать только одинъ снарядъ. Этимъ объясняется и захватъ японцами Высокой горы, и дальнѣйшее развитіе ихъ успѣховъ. При перекрестномъ обстрѣлѣ съ фортовъ овла-

дѣніе этой позицій было бы невозможнымъ, отсутствіе же достаточно сильной артиллериі дѣлало обороняющагося почти совершенно беззащитнымъ. Отъ шестнадцати — пудовыхъ снарядовъ осадныхъ пушекъ, работающихъ безъ всякаго противодѣйствія и помѣхи, не запитять никакіе блиндажи, никакіе бетоны. Безоружная оборона противъ вооруженного нападенія превращалась уже изъ героизма въ подвижническое мученичество...

О послѣднихъ дніяхъ павшей твердыни приходятъ ужа-сающія подробности. Со словъ прорвавшагося на миноносцѣ въ Чифу капитана Карцева корреспондентъ Рейтера телеграфируетъ:

«Портъ-Артуръ палъ вслѣдствіе изнеможенія. Остатокъ гарнизона совершилъ геройскій подвигъ въ теченіе пяти дней и пяти ночей. Вчера была достигнута граница человѣческаго терпѣнія. Въ казематахъ вездѣ видны были черныя лица, на которыхъ были замѣтны слѣды голода, изнеможенія и крайняго нервнаго возбужденія. Люди, къ которымъ обращались съ вопросами, не отвѣчали. Глаза ихъ ясно говорили, что они не понимали вопроса. Недостатокъ припасовъ былъ всеобщій. Въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ на нѣкоторыхъ фортахъ не было снарядовъ. Они молчали, такъ какъ не могли отвѣтить непріятелю. При атакахъ русскіе отбрасывали непріятеля штыками. Еще вчера Стессель хотѣлъ продолжать борьбу, несмотря на страданія отъ полученныхъ ранъ. «Но мы не можемъ болѣе драсться, — говорили его генералы: — наши люди не могутъ двигаться, они засыпаютъ, они не могутъ стоять на ногахъ. Мы можемъ командовать, но они не могутъ исполнять команда». — «Такъ деритесь сами, господи генералы», — воскликнулъ Стессель, сжимая кулаки. Онъ былъ какъ бы въ изступленіи. Лощинскій, Вирень, Смирновъ, Фокъ и другіе упавшимъ голосомъ дали совѣтъ рѣшиться на шагъ, котораго всѣ такъ долго боялись». Портъ-Артуръ давно началъ бы переговоры, если бы Стессель не настаивалъ на томъ, что онъ долженъ сдержать данное Государю слово. Карцевъ называлъ ложью слухи, что Стессель одинъ желалъ сдачи крѣпости. Если бы не вышли припасы, крѣпость держалась бы еще въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Въ рукопашномъ бою японцы были, по словамъ капитана Карцева, — значительно слабѣе русскихъ. Одинъ русскій одолѣвалъ въ штыковомъ бою четырехъ японцевъ. Взятіе крѣпости стоило японцамъ отъ 80 до 100.000 человѣкъ. «Когда, однажды, былъ убитъ японскій принцъ, — разсказывалъ Карцевъ: — японцы попросили выдачи тѣла. Мы вѣжливо приняли посланцевъ и предложили имъ бутылку пива, желая показать, что припасы у насъ въ изобиліи. На дѣлѣ это была наша послѣдняя бутылка. Въ дѣйствительности, наша пища въ теченіе трехъ мѣсяцевъ состояла только изъ рису. Всѣдѣствіе этого сотни людей заболѣли цынгой».

Ужасы послѣднихъ дній крѣпости превосходятъ всякое описание. «Снаряды попадали въ госпитали; раненые отказывались

оставаться въ нихъ. Несятря на сильный холодъ нѣкоторые изъ нихъ ложились на улицахъ на груды обломковъ, другіе съ трудомъ добирались до линіи боя, бросали въ японцевъ камнями и оставались на позиціяхъ, пока не попадали въ пленъ или не падали мертвыми. Это продолжалось 5 дней и 5 долгихъ ночей. Солдаты, изнуренные голодомъ и болѣзнями, смотрѣли другъ на друга потухшими глазами и плакали. Офицеры рыдали, какъ первыя женщины, какъ будто сердце разрывалось у нихъ отъ горя. Во всю мою жизнь я не видѣлъ ничего подобнаго. Мы бродили, какъ тѣни на кладбищѣ, и этимъ кладбищемъ былъ нашъ Портъ-Артуръ, полный нашей кровью. Мы оглохли отъ грома орудій, наши глаза потускнѣли отъ огней взрывовъ, у многихъ открылись гноящіяся раны во рту отъ тухлого конскаго мяса. Сестры милосердія работали день и ночь въ госпиталяхъ, наполненныхъ невыносимымъ зловоніемъ, и нерѣдко падали — одѣтъ отъ изнуренія и голода, другія отъ непріятельскихъ снарядовъ. Вошли и стоянѣ раненыхъ, предсмертный хрипъ умирающихъ, проклятія людей, подвергавшихся операциямъ безъ хлороформа, обращали госпитали въ настоящую преисподнюю. Всюду изувѣченные люди, отрубленныя руки и ноги, всюду кровь и кровь. Бѣжать отсюда на улицу, чтобы уйти изъ этого удушающаго зловонія и отъ этого страшнаго зѣла, было отыхомъ, хотя тутъ вамъ грозили непріятельскіе снаряды»... Какъ бы ни была истолкована капитуляція Артура, все-таки въ основу всякаго сколько-нибудь беспристрастнаго сужденія должны быть поставлены слѣдующіе твердо установленные историческіе факты: плохо снабженная крѣпость держалась цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ безъ всякой помощи и поддержки извнѣ. Подъ руководствомъ доблестныхъ генераловъ ея героический гарнизонъ отбѣль за это время пятьдесятъ шесть штурмовъ и сдался, лишь уничтоживъ предварительно весь флотъ и взорвавъ на воздухъ форты.

Договоръ о сдачѣ, за болѣзнью генерала Стесселя, былъ подписанъ генераломъ Смирновымъ. Въ обезспеченіе договора японцамъ были переданы два оставшихся цѣлыми фorta. Офицеры, которые дали бы слово не сражаться противъ Японіи, сохранили оружіе и получали право возвратиться въ Россію, солдаты же должны были сдать оружіе и отправляться военно-плѣнными въ Японію. Къ чести нашихъ офицеровъ и генераловъ, всѣ они отказались дать требуемое слово и рѣшили раздѣлить участъ своихъ товарищей — нижнихъ чиновъ.

Общее число военно-плѣнныхъ составляетъ 878 офицеровъ и классныхъ чиновъ и 23.491 нижній чинъ, въ томъ числѣ свыше 6.300 морскихъ офицеровъ и матросовъ.

Потеря Портъ-Артура несомнѣнно является серьезнымъ моментомъ войны, но рѣшительного вліянія на окончательный результатъ она имѣть конечно не можетъ, въ виду твердой рѣшимости Россіи довести дѣло до единственно возможнаго для народной чести конца.

Пожертвованія.

Съ 9-го по 29-ое декабря включительно прислали въ редакцію пожертвованія:
На бинокли для арміи: Гомельская кондукторская бригады, Полѣск. ж. д. 43 р. 95 к.

Въ пользу защитниковъ Портъ-Артура: уч. Е. Юксобековъ 5 р.

Въ пользу раненыхъ: подписьщикъ № 93.105—15 р.; Ш. К. Борисова 5 р.; И. Д. Иванова 4 р. 50 к.; учащіеся Рачинскаго нар. училищъ 4 р. 50 к.; Е. А. Иванова 3 р.; вдовы свящ. Чемтаева 2 р. 50 к.; по 2 р.: свящ. о. В. Скворцовъ, Н. Ивановъ, пеалъ Красногвардейскій, М. Роненъ, П. Соловьевъ; ученики Верхне-Шкафтинской ц.-пр. школы 70 к.; ученики Біевской нар. школы 1 р. 50 к.; по 1 р.: Маня, учитель Д. Д. Антроповъ, П. П. Серединский, М-те А. Vinogradoff; по 50 к.: свящ. о. Т. Богацкий, учитель Б. Присяжнюкъ.

Содержаніе. ТЕКСТЪ: Навстрѣчу жизни. Романъ В. А. Тихонова. (Продолженіе). — Утро. Стих. Б. Никонова. — Ангель-Хранитель. Рассказъ В. М. Михеева. — Объявленія.

РИСУНКИ: Мечты и звуки. — Тихій вечеръ. — Возвращеніе императора Александра III съ охоты. — Посмертная выставка В. В. Верещагина: 1) «Въ госпиталѣ». 2) «Письмо къ матери». 3) «Письмо прервано». 4) «Письмо осталось неоконченнымъ». — Переправа войскъ черезъ понтоный мостъ на рѣкѣ Ляо-хэ, близъ Мукдана. — Музыканты иркутского полка. — Землянка, въ которой живетъ румынскій военный агентъ г. Харламіе и адъютантъ генерала Зарубаева, Е. А. Кохно. — Группа офицеровъ 4-го корпуса во главѣ съ ген.-лейт. Зарубаевымъ и ген.-майоромъ Огановичемъ. — Награждение гг. офицеровъ 4-го корпуса 3-й смѣ. пѣх. дивизій георгіевскими крестами. — Китаецъ-переводчикъ при войсковой части. — Молебенъ и парадъ по случаю раздачи офицерамъ георгіевскими крестами. — Телінъ. Похоронъ товарища-офицера. — На Дальнемъ Востокѣ. Въ свободную минуту. — Обѣдъ въ 4-мъ корпусѣ въ честь офицеровъ — георгіевскихъ кавалеровъ. — Гдѣ-то онъ теперь? — Герой и гордость наша, генерал-майоръ Р. И. Кондратенко. — Послѣдніе дни. Отраженіе японской атаки на высотахъ портъ-артурскихъ фортовъ. — Вершина Эргадагу. Наблюдательный пунктъ. — На «Соколѣ съ деревомъ». — Военно-санитарныя собаки. Завѣдующій отрядомъ Императрицы Александры Феодоровны В. В. Лядовъ — въ бѣломъ полушубкѣ. — На Эргадагу. Землянка. — Эргадагу. — Обѣдъ въ китайскомъ ресторанѣ.

Къ этому № прилагается: «Полного собранія сочиненій М. Е. Салтыкова-Щедрина» книга I.

За издателя Л. Ф. Маркса.

За редактора В. Я. Свѣтловъ.